

БИТВА ЗА НОВОРОССИЮ

Сергей БЕРЕЖНОЙ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВОЙНЫ

Битва за Новороссию (Вече)

Сергей Бережной

Штрихи к портрету войны

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)(061.3)
ББК 63.3(2)64-68

Бережной С. А.

Штрихи к портрету войны / С. А. Бережной — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Битва за Новороссию (Вече))

ISBN 978-5-4484-5654-1

Эта книга о нынешних событиях на Украине, о людях на войне, ставшей лакмусовым индикатором психологии человека, его гражданской зрелости и его совести. В представленных рассказах и очерках нет героев выдуманных — они все оттуда, из войны, из самой её сути, кто-то со своим именем, кто-то с позывным, а чьё-то изменено в силу определенных обстоятельств. Написанное о них далеко от пропаганды и парадности, это порой просто эскизы к портретам. Герои не залакированы, не «причёсаны», такие, какими их увидел автор, сам прошедший войны периода распада державы, Сирию, Донбасс, Украину. С кем-то читатель уже встречался в книгах автора «Контракт со смертью» и «Война становится привычкой», а о ком-то рассказано впервые. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)(061.3)
ББК 63.3(2)64-68

ISBN 978-5-4484-5654-1

© Бережной С. А., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Предисловие	6
Проводник	8
Муравей	28
Скрипач	40
«Кашники»: шагнувшие из ада	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Бережной

Штрихи к портрету войны

© Бережной С. А., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Предисловие

Эта книга рассказов и очерков о том, о чём не расскажут военкоры или участники всевозможных ток-шоу. Я не журналист, а писатель, причём непосредственно прошедший через разведпоиски, артобстрелы, засады уже на этой войне, начавшейся не в феврале двадцать второго года, а гораздо раньше. Во всяком случае, для меня она началась весной четырнадцатого года на Донбассе. Сейчас просто её острая фаза, участвовать в которой выпало нашим современникам, нашим детям и внукам. Рассказы и очерки, по сути своей, летопись происходящих на Украине событий, дыхание истории, пульс времени.

В отличие от предыдущих книг «Контракт со смертью» и «Война становится привычкой» это художественные образы участников войны, образы людей, способных отдать жизнь за Отечество. Моя книга – это попытка рассказать об их великой миссии воинов, сражающихся за возвращение смыслов справедливости, чести, жертвенности, братства, коллективизма, дружбы народов, стойкости, отечестволюбия...

Думаю, что эта книга нужна не только людям, прошедшим испытание войной, но и тем, кто поднимает себя из безверия, бессилия, отрешенности от мира.

Это книга для всех, потому что, надеюсь, возвращает нас из беспамятства через сверхнапряжение к своим истокам. Она героическая и болевая, возвышенная по большому счёту и приземлённая в своей правде.

Это не замыленный пропагандой взгляд на события российско-украинской войны, дипломатично называемой специальной военной операцией. Точнее, прокси-войны Запада с непокорной Россией руками продажной девки по имени Украина. Это размышления о виденном и пережитом, о людях войны, долге, чести, отваге, трагедии, подлости, стяжательстве. О психологии войны.

Старался избегать шаблонности в описании героев, избегать излишней патетики, потому что геройство не только в самопожертвовании, но и в повседневности, начиная с порога военкомата. Хочется верить, что наступит время, когда можно будет рассказать о всех тех людях, с которыми пересеклись наши пути-дороги на этой войне.

По крупиночкам просеяно собранное из характеров и событий, выверено, чтобы оставить только то, что кажется главным, что выпукло показывает суть этой войны через характеры людские. Войны странной по методам и формам её ведения, по политическим решениям, по роли компрадоров. Внутренний запрет на какие-то достаточно знаковые события или портреты людей в чём-то обеднили написанное, хотя, с другой стороны, оно графически точно. Это как графика в сравнении с яркой цветовой гаммой импрессионизма.

Мы многое не знаем и что-то наверняка никогда не узнаем. Не узнаем глобальные причины начала войны, и остаётся только гадать, что в основе лежит прежде всего защита наших жизненных интересов, а уж потом денацификация и демилитаризация Украины. И вполне возможно, что чашей, переполнившей наше терпение, стало тайное заседание Бильдербергского клуба 5 февраля 2022 года, результатом которого явилось эмбарго на поставки российских углеводородов.

Не знаем, какие силы препятствовали этому решению, какая мотивация двигала ими, но наверняка не интересы Отечества. И такие силы наверняка были и остаются.

Не знаем о мотивах отказа о решения украинского вопроса в две тысячи четырнадцатом году, когда деморализованная украинская армия готова была идти за Донбассом на Киев, но кто-то всесильный парализовал волю новой донбасской власти и остановил «Русскую весну».

Продолжаю бывать в воюющих частях, собирать факты, события, судьбы людей, которые становятся героями рассказов и очерков. Быть может, напишу повесть – материалов более чем, а вот со временем цейтнот. Но сначала будет осмысление и прежде написанное покажется в

чём-то наивным или даже неверным, но никто не сможет упрекнуть в неискренности. В том, что покривил совестью, что ради конъюнктуры сказал неправду.

Такой я увидел войну, принял её неизбежность и необходимость и остался верен идеалам две тысячи четырнадцатого года, идеалам «Русской весны». Такие герои этих рассказов и очерков.

Проводник

1

Гончар¹ так бы и остался в истории специальной военной операции безымянным проводником, если бы всё прошло гладко, как и думалось теми, кто начал войну: девчата с вплетёнными в косы лентами и хлебом-солью на рушниках и разудалые парубки в шароварах и вышиванках с песнями и плясками встречают армию-освободительницу прямо на границе. В крайнем случае на харьковской окружной. Если, конечно, вообще думалось.

Звездопад на погоны ему не грозил, потому что давно их снял, а оказаться среди осыпанных наградами надеяться не стоило по той же причине: гражданская приبلуда, не весть как оказавшаяся в авангарде славной армии-освободительницы.

Мы работали на соседнем направлении фронтального удара через Липцы, и спустя неделю к нам пришло стойкое ощущение, что никто ничего не планировал, что вообще в штабах думалось не о войне, а о посиделках в окружении криминального харьковского бизнеса, и все надежды были на привычный русский авось. Потому и гоняли бестолково наши полководцы батальоны и роты туда-сюда до окружной дороги и обратно, а потом вообще по окружной под прицелом ошалевшей от такой дерзости и глупости украинской армии, которая сначала робко, а потом просто обвалью стала жечь наши мотолыги² да грузовики и вообще всю технику, добивая раненых и не позволяя забрать тела погибших.

На Харьковском направлении

¹ Позывной проводника 2-й Отдельной гвардейской ордена Жукова бригады специального назначения (2-я обрСПиН ГРУ).

² Мотолыга (*армейский сленг*) – МТЛБ – многоцелевой транспортёр-тягач легкий бронированный.

Впрочем, Гончар даже не остался бы в памяти тех, кто будет писать историю этой странной войны под названием «специальная военная операция», потому что о нём просто не вспомнили бы, как и о дюжине других таких же проводников. Да и не могли вспомнить, потому что его как бы и не было. Он не входил в состав бригады, батальона, роты, взвода и даже экипажа «тигра», перешедших на рассвете границу. Он вообще не значился в списках подразделений российской армии, непонятно, как и зачем затесавшийся в ряды российского спецназа, как, впрочем, и наша крохотная группа со специфическими задачами под прикрытием фронтового агентства «ANNA News», от которой постарались избавиться: к чему лишние глаза? И спецназовцы, и комроты, и офицеры Главного управления называли Гончара просто Дядя Володя.

Впрочем, нет, о нём и таких, как он, знали те, кому по долгу службы полагалось знать. Это они подбирали их, отбирали и просеивали, словно селекционеры. Да и кто лучше них знал леса и тропы приграничья, кто ещё имел обширные связи и даже агентуру, как не эти незаметные мужики. Конечно, они гордились тем, что именно им доверили быть проводниками или разведчиками в штурмовых подразделениях, которые должны были прорвать «ленту» и повести колонны. Гордились и понимали, что им суждено остаться неизвестными.

Пройдёт совсем немного времени, и его имя будут с уважением и долей восхищения передавать из уст в уста не только бойцы и офицеры 2-й Отдельной бригады специального назначения Главного управления Генштаба, по привычке именуемого коротко и таинственно ГРУ, но и оперативники этого управления.

Два года о нём не принято было рассказывать. Даже жена не знала, что с первыми залпами он с разведчиками бригады пересёк границу. Для неё он уехал в командировку в Воронеж на несколько дней, как бывало прежде. Она всё пыталась дозвониться ему, отругать за то, что «здесь такое творится, такое – ну, просто уму не постижимо»! Что война началась, а он где-то шляется, и чтобы немедленно возвращался домой. О нём и сегодня можно говорить вполголоса, да и то чуть приоткрыв занавесочку его прежней жизни и ни слова о второй настоящей: одной для всех и другой для избранных.

2

Воскресным утром двадцатого февраля Гончар копался в гараже со своим стареньким «фольксвагеном». За ночь, особенно к утру, подмораживало, ледок на взявшихся хрусталём лужицах и проталинках похрустывал, но уже ощущалось дыхание весны, еще обманчивое и капризное. К полудню отпускало, отчего прежде поскрипывающий снег становился мягче и тяжелее, напиваясь влагой.

В два часа пополудни его вызвал к себе Батя³: нужна консультация по определению логистики движения отрядов спецназа. Короче, он должен был найти скрытный и кратчайший путь, обеспечивающий максимальную скорость движения от границы до Харькова через Казачью Лопань. По большому счёту от него требовалось соединить несоединимое: в условиях зимнего бездорожья спрятать путь на Харьков в обход сёл, посёлков и городов, в обход гарнизонов, опорных пунктов, заграждений и препятствий.

То, что у Гончара полон рот своих забот, Батю не волновало. А того, в свою очередь, тоже не очень-то трогало, что у этих оторванных от семьи и дома офицеров вот уже третий месяц не было выходных, что спали они урывками и что надо было им постоянно показывать свою ретивость перед Москвой. Они на службе, которая, как известно, совсем не мёд, что опасна и трудна и на первый взгляд как будто не видна. Но это про нашу советскую милицию, которая уже канула в Лету, а Батя и его ребята – это армейский спецназ, это мозговая элита армии.

³ Позывной старшего офицера разведки группировки харьковского направления.

Гончар своё уже отпахал, а подрядился пойти в связку к ним – так это из спецназовской солидарности. Он сейчас, как та охотничья собака, еще не взявшая след, всё рыскает и петляет вокруг хозяина, задирает голову и глазами да виляющим хвостом выражает готовность выполнить любую команду, пусть даже самую абсурдную. А хозяин всё раздумывает, всё не спешит дать отмашку.

Через час Гончар уже водил остро отточенным карандашом по расстеленной на столе огромной топографической карте Генштаба образца 1988 года. Ещё той, советской, добротной и обстоятельной, да только много воды утекло с тех пор, что местность не узнать: одно снесли, другое возвели, новые дороги проложили, болота осушили, холмы просели, а то и вовсе выровнялись по горизонту, как и распаханые курганы с уничтоженными тригипунктами.

Он прошёл в отрядах ГРУ и таджикский Памир, и Кавказ, всю Чечню проползав на животе, и знал цену точности и надежности этих карт, отличающихся от туристических и масштабом да нанесенной сеткой высот и низин, детализацией, сечением рельефа, возможностью топопривязки и другими особенностями, незаметными на первый взгляд и кажущимися ненужными несведущему. Но за три с лишним десятка лет устарели карты, и Гончар с горечью вздохнул:

– Новее не нашлось? Могли бы на Барабашовской барахолке купить, все актуальнее были бы, чем этот архивный хлам.

– Да ладно кобениться, всё равно других нет и не будет. Теперь даже офицеры карты не читают – всё больше пальцем по планшету елозят.

Красные стрелы от самой границы стремительно рассекали север Харьковской области. Одна начиналась с Шебекинского погранперехода, шла через Волчанск, Старый Салтов и раздваивалась змеиным языком: один конец упирался в юго-восточную окраину Харькова в районе аэропорта, а другой – в Чугуев. Две другие начинались у Нехотеевки и сразу же расходились: одна шла прямо по Симферопольской трассе, а вторая левее через Журавлёвку, Стрелечье, Липцы, Циркуны. Третья отталкивалась от Красного Хутора, рассекала Казачью Лопань, Слатино и Дергачи. Все три стрелы пересекали окружную дорогу и смыкались в центре Харькова.

К основаниям стрел были прикреплены маленькие листочки с краткой характеристикой местности, дорог, предполагаемой скорости движения для колёсной и гусеничной «ходовки», возможные инженерные препятствия или узлы активного вооружённого сопротивления. «Хорошо, если сведения более-менее точны и получены через агентуру, а если штабные фантазии? Покрошат людишек на мелкий салат...», – мелькнула мысль у Гончара, но он тут же отогнал её прочь.

Батя даже словом не обмолвился, что проводнику предстоит идти в составе передового штурмового отряда. Он вообще был против того, чтобы использовать его на начальном этапе: ему предстояла работа в городе вместе с оперативниками Главного управления по захвату документов, активации немногочисленного подполья, изрядно прореженного и раскромсанного СБУ, нейтрализации националистов, фильтрации задержанных и многое другое, что всегда сопутствует установлению новой власти. Но это была военная часть операции, а оставалась ещё и политическая: их должны были встретить боевые отряды местной герилии⁴, чтобы захватить обладминистрацию и СБУ, водрузить российские флаги, показав всему миру, что одержана победа и Харьков взят. Ни Батя, ни Гончар даже не подозревали об ещё одной составляющей: коммерческой, в которой им отводилась роль мелкой разменной монеты.

Батя внимательно выслушал Гончара, сделал необходимые пометки, обговорили условное место и время будущей встречи.

⁴ Герилия (исп.) – 1. Городские партизаны; 2. Расхожее название всей совокупности тактических наработок и способов ведения партизанской войны с заведомо превосходящими силами противника в городских условиях.

– Вы пойдёте со Второй бригадой. Пацаны грамотные, в их работу не вмешивайтесь и постарайтесь остаться живыми. Но в плен попадать не имеете права. Полевыми дорогами проведёте бригаду к Харьковской окружной дороге и возвращайтесь домой. Дальше будут работать другие.

Батя ко всем обращался исключительно на «вы», даже к рядовым бойцам. Гончар ничего не ответил, лишь кивнул: а что тут говорить? Да и вообще предстоит ли работа или опять всё перейдёт в спящую фазу? С декабря жили в неопределённости, но всё же в ожидании, лишь после заявлений Жириновского поверил, что всё случится двадцать третьего февраля. Очень хотелось верить. До физической боли. До крика и разорванной на груди рубахи. Даже воздух тревожно звенел натянутой струной, и искрило напряжение.

Из-за «ленты» тоже передавали, что ожидают вторжение именно двадцать третьего. Но утро прошло обычно, день тоже, и, хотя вечер не сулил никаких неожиданностей, тяжесть ожидания отпускала, вытекая по капле, как раздался звонок. Он по привычке бросил взгляд на часы: девятнадцать ноль-ноль. Разговора не было, в привычном понимании, лишь хрипловатый голос и всего несколько слов:

– Валькирия⁵, двадцать ноль-ноль.

Это был сигнал сбора.

Гончар усмехнулся: кто-то наверху предпочитает мифологию античной Греции и скандинавского эпоса, потому и позывные в отряде Ясон, Ахилл, Спарта, Один, Тор... Теперь вот Валькирия... Неудачное название. Не хватало, чтобы всё закончилось так же. И вообще нельзя любое новое дело называть именем уже состоявшегося поражения.

И всё равно отпустило, будто гора с плеч долой, и шевельнулось в душе облегчение: ну, наконец-то!

Он сложил в рюкзак заранее подготовленные комплект белья, теплые носки, компас, нож, зажигалку, аптечку, продукты – пятнадцать лет службы старшим группы спецназа выработали привычку всегда держать наготове необходимый минимум для работы в автономке на сопредельной стороне.

В небольшом кабинете кроме Бати и Хриплого⁶ находились еще пятеро незнакомых, не очень молодых, но, судя по одежде и снаряжению, явно невоенных. Хриплый, с умными карими глазами, худощавый и мускулистый, с недельной щетиной, коротко поставил задачу: находиться в разведывательно-дозорной машине, прокладывая дорогу подразделению. Главное – выбрать безопасную. Разведки впереди не будет, сапёров тоже, поэтому выбирать дорогу на нюх, на запах, на интуицию.

Гончар поморщился: войнушку затеяли, а элементарные вопросы не проработали. А они у него были: порядок связи в случае экстренной ситуации; если отстал от группы, то запасной пункт сбора; пароль. И самое главное: что делать, если попал к своим? Что говорить? На кого ссылаться? Допустимо ли разлегендирование? Ведь они могут и шлепнуть, особо не задумываясь: подозрительный гражданский с негражданским набором в рюкзаке в прифронтовой полосе. Но спрашивать не стал: промолчишь – за умного сойдёшь, а начальство вопросов не любит. К тому же к вечеру его миссия наверняка будет исчерпана.

⁵ 1. В скандинавской мифологии дева-воительница, которая реет на крылатом коне над полем битвы и выбирает павших героев для сопровождения в небесный чертог – Вальхаллу. 2. Заговор армейской верхушки вермахта 20 июля 1944 года, известный как «операция Валькирия», закончился провалом, арестами и гибелью организаторов и участников.

⁶ Офицер Главного управления Генштаба (ГРУ).

3

Вторая бригада спецназа расположилась в поле за Октябрьским⁷. Сидели в машинах с выключенными двигателями, костры не разводили, мёрзли, дремали. Резкий ветер срывал снежные шапки с пахоты и гнал их через всё поле к дальней посадке. С вечера небо было вызвездило, но за полночь напоззли тучи, будто ластиком стерли звёзды, а заодно и ущербный месяц, погружая землю в чёрный мрак. Невесело. Ждали сигнала.

В штабе царили обычная суета и бестолковщина. Кто-то на кого-то по рации орал благим матом. Кто-то куда-то пробегал или тащил какие-то коробки. Прогромыхали берцами парни из военной полиции, как на подбор, рослые и картинно экипированные. Тенями проскользнули сухощавые и неприметные разведчики. Хлопали двери, врвался в узкий и длинный коридор холод и старался заползти в комнаты через неплотно прикрытые двери. Кто-то спал прямо на полу, в лучшем случае раскатав спальник, а кому-то повезло устроиться на стульях или даже на диване.

К полуночи Хриплый привёз Гончара и не знакомого ему проводника лет за сорок, молчаливого и даже внешне равнодушного, к комбригу, коротавшему ночь в тесном штабном кунге⁸, представил. Развернув карту на приставном столе, ещё раз проговорили задачи.

– Пойдёте со штурмовой группой третьего отряда через Казачью Лопань на Русскую Лозовую и дальше на Харьков вдоль железной дороги. Если встретите сопротивление, переходите на Симферопольскую трассу, а с теми разберут мотострелки и танкисты. – Комбриг потёр виски и поморщился.

«Видно, тяжело даются ночи без сна или полудрёма на кулаке подле телефонов и потрескивающей рации. Минимум пару суток уже мается, бедолага, судя по красным кроличьим глазам», – подумал Гончар, украдкой поглядывая на полковника.

На командирском УАЗе двинулись в сторону Октябрьского. За блокпостом спешили, подошли к сгрудившимся в поле у обочины машинам бригады. Из-за «тигра» вынырнул высокий военный в «разгрузке» поверх бронежилета и с автоматом в левой руке. Быстрым шагом подошёл к ним:

– Командир третьего отряда⁹ майор... – Но комбриг жестом руки прервал доклад.

В темноте лица представившегося видно не было, но по голосу – молод. Комбриг будто прочитал его мысли и, как бы вскользь, бросил:

– У меня все молодые, да шустрые. С ним пойдёте, а пока знакомьтесь, обустраивайтесь, обживайтесь.

Знакомиться – это понятно, но вот насчёт обустраиваться и обживаться комбриг явно погорячился. Чай, не санаторий и даже не лыжная база. Хотя теперь для него машина с разведчиками – самое то, в которой придётся коротать минимум сутки, пока эта байда закончится.

Комбриг пожал руку, сел в уазик и уехал.

Гончар пересел в командирский «тигр», и машина с места рванула в сторону Церковного. Шум двигателя заглушал слова комроты и разрывал их на невнятные слоги, словно шифровальная засовская аппаратура¹⁰, поэтому разговор отложили до прибытия на место. На окраине посёлка свернули на узкую дорогу, ведущую к Валковскому¹¹.

⁷ Посёлок в Белгородском районе.

⁸ Кунг (аббревиатура) – кузов универсальный нулевого (нормального) габарита. Закрытый кузова-фургона военных грузовых автомобилей.

⁹ В данном случае командир отряда соответствовал командиру роты.

¹⁰ ЗАС – засекречивающая аппаратура связи.

¹¹ Хутор Ваковский.

В центре хутора сжалась в пружину небольшая колонна: несколько «тигров» и два КамАЗа. Машина комроты обогнула их по обочине и стала во главе. Ночь наполнилась приглушенным ворчанием работающих двигателей.

Прошёл час. Рация захрипела, откашлялась, распорядилась дойти до Красного Хутора, остановиться и ждать команды. Выполнили не спеша, словно прогуливаясь вразвалочку по набережной. На перекрестке у околицы села вновь остановились перед железной дорогой и замерли в ожидании, выключив свет: решили соблюдать светомаскировку. Ждали команды, но рация молчала, только индикатор подмигивал красным.

– Ишь, гад, клеит, соблазняет, обидеть норовит. – Майор кивнул на мигающую лампочку рации, достал сигареты и приоткрыл окошко. – Глуши мотор.

Позади остался Валковский, впереди тускло размывал ночь уличный фонарь Красного Хутора. Холодный, морозный воздух ворвался в салон, нырнул под ноги и медленно пополз по полу, обволакивая ноги. Сидевшие сзади спецназовцы заёрзали, вжимаясь в спинки сиденьев и пытаясь сохранить тепло.

Машины, как обычно, сгрудились в кучу, как овцы, головами к центру. Где-то хлопнула дверца, заалели огоньки сигарет, говорили тихо и неразборчиво. Гончар вздохнул: бестолковщина как отличительная черта армейской организованности. Стадо баранов, которое умнеет, когда им волк кровь пускает.

– Слушай, командир, мы ведь на самой высокой точке остановились. С Казачки увидят – и арта разберёт нас в один миг, – между затяжками негромко заметил Гончар.

Ротный покрутил головой, осматриваясь: ночь по-прежнему темна, даже оставленный в полукилометре хутор растворился, справа низинка вдоль речушки – там уже Украина и до границы меньше километра. А вот тусклый фонарь на столбе на окраине села – неплохой ориентир для арты.

– В штабе здесь определили место встречи. Стратеги, – проворчал он и выбросил в окошко сигарету. – Хотя сказали, что войны не будет – маленький договорнячок, стопочку на брудершафт – и по домам разойдёмся. Возвращаемся. В два ночи должны подойти три танка. В шесть часов начнётся артподготовка, в семь мы должны быть у границы, в восемь – пересекаем. Поехали обратно. Ты прав: здесь мы, как чирей на заднице.

Всей колонной вернулись к Валковскому, но в хутор въезжать не стали, а опять столпились у околицы. «Ну привили же нам стадность за годы советской власти, да так крепко, что новое поколение прихватили её на генном уровне», – мелькнуло у Гончара, но говорить ничего не стал: нечего лезть со своими советами к командиру и повторять то, что уже было сказано полчаса назад.

Ротный выбрался из «тигра», размялся, позвал проводника:

– Дальше пойдёшь вон на том «тигрёнке». Будешь показывать дорогу, а то забурятся куда-нибудь.

Гончар забрал рюкзак, подошёл к машине, заглянул в салон: бойцы спали, прижавшись друг к другу. Будить их он не стал, лишь втиснул свой рюкзак между ними, а сам забрался в кабину стоявшего рядом КамАЗа.

На улице было мерзко и, несмотря на лёгкий мороз, сыро и туманно: метров до ста видимость, ветер пробирал до самых костей и норовил прокрасться под бушлат. Резвится, шалун, выгоняет тепло, выхолаживает. Рядом расположились артиллеристы, но разобрать, что за системы у них, из-за тумана было невозможно.

По кабине разливалось тепло, негромко урчал двигатель, и Гончар задремал. Проснулся от рыка и лязга: подошли обещанные танки, опоздав на целый час. Силуэты едва прорисовывались в темноте и было ощущение надвигающихся огромных чудовищ. Они долго выбирали место, где бы разбить своё становище, потом, сгрудившись за обочиной, уgomонились, и обвалилась тишина.

Он попытался вновь заснуть, но сон уже ушел. Ворочался, устраивался поудобнее, и мысли тоже ворочались, тяжелые и совсем не радужные. Гончар вздохнул: ну, зачем нужно было людей гонять по холоду, вымораживая остатки тепла, вместо того чтобы дать отдохнуть, согреться, накормить горячим завтраком или хотя бы чаем и уже с места базирования бросить на рубеж атаки. За полчаса и адреналин бы не захлёстывал, и волнение улеглось бы, и сознание выкристаллизовалось бы...

Вылез, закурил, взглянул на часы: половина шестого утра. Остатки полудрёмы улетучились. Через полчаса должна начаться артподготовка, а значит, для кого-то оставались последние минуты жизни. И всё же не верилось, что это случится: постоим, как весной две тысячи четырнадцатого, и разъедемся.

4

На востоке занималась заря, багрово-кровавым узким клинком располозовавшая горизонт. Сабля в крови. Плохое знамение. Губы прошептали: «Спаси и сохрани», и рука машинально потянулась ко лбу, но от плеча опустилась: будь что будет, если правое дело, то Господь и так хранить будет, ну а если нет, то просить помощи у Бога не стоит...

Экипажи уже проснулись, кто-то курил, кто-то справлял нужду, кто-то жевал прихваченный с собою сухарь. Несколько минут – и заря заалела, поблекла и расплзлась по горизонту в длину и ширину, пожирая ночное небо и перекрашивая его в тусклую серость.

Неожиданно грохот, рев и вой разорвали рассвет, и следом через несколько секунд вырос частокол разрывов на сопредельной стороне. Ну, вот и всё. Началось. Теперь дороги назад нет, отрезали её, и остаётся только вперёд. Он ждал этой минуты, ждал все десять лет, но теперь не было ни радости, ни внутреннего подъема. Скорее опустошение.

Он автоматически взглянул на часы: шесть пятнадцать. Хорошо, хоть не в четыре утра, а то бы сравнение было не в нашу пользу. Хотя и так будут твердить о внезапном и вероломном нападении. К чему всё это? Спектакль, увертюра устрашения, а по-большому счёту глупость несусветная. А еще показатель слабости. Если в Крыму обошлось практически без стрельбы и крови, и это была демонстрация устрашающей мощи армии, то вот эти стрелялки – наоборот.

Ротный зычно крикнул:

– По машинам!

Гончар нырнул в закреплённый за ним «тигр», примостился по правому борту за спиной старшего. Тот с улыбкой протянул руку:

– Димон, старший прапорщик. Прапорщик в иерархии императорской армии – знаменосец, а значит, впереди всех идёт.

– Ага, на камбузе, – съехидничал сидящий рядом с проводником сержант. – Пайки лишу, – лениво огрызнулся Димон. – А тебя как звать-величать?

– Владимир. Ваш проводник.

– Значит, дядя Володя, – подытожил прапорщик и толкнул водителя в бок. – Спишь, что ли? Давай-ка двигай в голову.

Они стали во главе колонны из «тигров» и КамАЗов, замыкали танки, и в хвосте поплелась машина разграбления.

Ожила рация и голосом ротного прохрипела:

– Скорость сорок километров, дистанция тридцать метров. Вперёд!

«Тридцать – маловато, – подумал Гончар. – Смотря какая реакция у водилы, а то запросто въедет в корму впереди идущего. Ну, а если крыть минами начнут, так как раз одной на пару машин хватит».

При въезде в Наумовку ротный приказал сбросить скорость до двадцати километров – «коробочки»¹² отстают.

– Сорок километров не выжимают, а на биатлоне летали котами наскипидаренными, каскадёры хреновы, – проворчал прапорщик. – Не торопятся. Голову даю на отсечение: как только припечёт, так они сразу рванут в тыл с крейсерской скоростью.

В Красном Хуторе в конце улицы стояли мотолыги с пехотой, танк Т-82 и ИМП¹³, которые перед селом обошли «тигрят» по целине. Машина разграждения в несколько приёмов сделала заезды на полотно железной дороги с обеих сторон и, перевалив через полотно, отползла в сторону, освобождая дорогу.

Гончар взглянул на часы: семь утра. «Тигр» пошёл первым, неторопливо и без проблем перевалил через «железку», но идущая следом машина скользнула вправо и медленно сползла с насыпи. Высыпавшие из салона спецназовцы споро зацепили трос, и «тигр» Димона перетаскил её через насыпь. Следом двинулась колонна, вытягиваясь в цепочку, перевалила через «железку» и двинулась вдоль неё в направлении границы. Вслед за «тиграми» шёл танк, следом мотолыги, опять танки и в хвосте тяжело урчала машина разграждения.

В полусотне метров до «ленты» колонна остановилась. От насыпи на восток поле перечеркивала сетка зелёного цвета, уходящая к Симферопольской трассе. Напротив, с украинской стороны тянулся сначала ров, по краю огороженный забором из металлической сетки, вдоль которого тянулась запорошенная снегом грунтовка. С украинской стороны в полусотне метров параллельно им через всё поле тянулись окопы.

У нашего забора суеился пограничник, что-то поправляя и громко сетуя, что понаехали тут всякие, сейчас разнесут нахрен ограждение, а ему потом восстанавливать. Рация вновь захрипела голосом ротного: велел забрать разведгруппу, которая зашла на ту сторону ещё с вечера. «Тигр» рыкнул и двинулся к пограничной вышке, возвышавшейся метрах в трёхстах. Около неё притоптывали берцами и похлопывали себя по бокам и спине трое разведчиков в мокрых и грязных маскхалатах, изрядно перемерзшие. Со стороны казалось, что они лихо отплясывают какой-то диковинный индейский танец. Машина мягко подкатила к ним, распахнулись дверцы, и они буквально запрессовались внутрь салона. Старший группы, чертыхаясь, сказал, что вылазили всю округу до самой Казачки¹⁴, никого не нашли и что всё можно было бы прощупать беспилотниками. Разведчиков довели до Красного Хутора и высадили у школы, где их уже поджидал командирский уазик. Распрощавшись, вернулись к колонне, по-прежнему маявшейся у ограждения, и заняли своё место в голове колонны.

Из машины никто не выходил. Сидели молча, даже не курили, и лишь Димон хрустел сухариком. Время тянулось занудно и бестолково. Чего выжидали? Канонада давно стихла, а команды на штурм всё не было. Томительно тянулись минуты ожидания. Остатки тумана, осевшего вдоль заболоченной старицы справа от железной дороги, рассеялись. Висела непривычно тревожная тишина, и даже хуторские собаки не устраивали утренней перепалки, молчали и куры.

В восемь часов ожила рация ставшим привычным треском и скрипуче прохрипела:

– Вперёд!

– Да, с такой связью далеко не уедем. За двадцать лет после Чечни ничего не изменилось. Хоть бы почтовых голубей завели, – проворчал Гончар.

– В штабе сказали, что в обед будем уже на мобильниках. – Прапорщик усмехнулся. – И ужинать в Харьков.

¹² Коробочки (армейский сленг) – танки.

¹³ ИМП – инженерная машина разграждения на базе танка Т-55, предназначенная для прокладки пути, проделывания проходов в препятствиях и т. д.

¹⁴ Казачья Лопань.

Инженерный танк, урча и отфыркиваясь сизым дымом, обошёл колонну по целине, остановился перед сеткой, словно раздумывая, а затем, взревев, смял и вдавил её в мёрзлый грунт. Проводник вздохнул: как чувствовал пограничник, что придётся ремонтировать забор, если он вообще будет. А ведь могли братья-славяне аккуратно снять сетку, заштабелевать её – и катись хоть до края земли.

Машина разграждения в несколько приёмов засыпала ров, разравнивала, прошлась несколько раз туда-сюда, утрамбовывая землю, и отползла в сторону, уступая дорогу «тиграм». Те рывком прошли несколько метров и опять встали, упёршись в ворота, закрытые на висячий китайский замок. Дороги не было, а вот ворота были. И такой же забор из сетки – стена Яценюка, обрывавшийся метрах в трёхстах.

Гончар усмехнулся:

– Мужики, что стали? Замок увидели? Вы на войну приехали или как?

– Да вроде команды не было ворота ломать, – повернулся Димон. – Война – дело деликатное, тут без команды стрёмно инициативу проявлять.

– Вы спецназ или куда? Ну ладно, вы в погонах, а я без, так что с меня спроса никакого. Давай-ка, парень, или в ворота двигай, или пролёт вали, но стоять себе дорожке – одним снарядом для нас войну закончат.

Можно было бы пройти вдоль забора и обогнуть забор, но вдруг вот там как раз минами поле засеяли, а сапёров в экипаже не было. Их вообще в роте не было – не предусмотрели.

Водитель взглянул на прапорщика, тот кивнул, машина попятилась для разгона, взревела и резко рванулась к воротам. От удара бампером створки ворот распахнулись, и замок с петлей в дужке обиженно и одиноко остались болтаться на стойке.

5

К Гранову¹⁵ «тигры» прошли сначала вдоль «железки», затем полевой грунтовке. Осторожно, будто шупая тропу, проехали по узковатой дамбе. Впереди показалась Казачья Лопань. Около трансформаторной будки вновь остановка в ожидании приотставшей колонны – теперь не только танки, но и мотолыги не спешили показывать ретивость. Простояли больше четверти часа на виду города, продуваемые всеми ветрами. Из машины не выходили, хотя понимали, что одним снарядом укры могут сделать братскую могилу. Надеялись на привычный авось, но дверцы на всякий случай приоткрыли. Опять захрипела рация и разродилась коротким:

– Вперёд!

– Куда вперёд? Зачем вперёд? Они хоть сами знают, что почём и куда? – ворчал Димон. – Ну, почему так: пока в лейтенантах ходит – нормальный мужик с головой на плечах. Как дослужится до лампас, так дуреет по полной.

– Это точно, – подтвердил сидевший сзади сержант. – Хорошо, прапорщику эта эволюция не грозит – всегда умный.

– Правильно мыслишь. – Димон достал из кармана сухарь.

– И вообще, вегной догогой идёте, товагищи! – грассирует сержант, подражая вождю революции.

Спецназовцы заулыбались, а Гончар отметил, что ребята не унывают, и это уже показатель духа.

Опять раздался треск электрического разряда, и из рации скрипуче донеслось:

– Пройти Казачку и остановиться у лесопосадки.

¹⁵ Украинский хутор на левом берегу реки Лопань в 1 км от п. Казачья Лопань и в 2 км от села.

Местных видно не было, лишь бабушка ковыляла с палочкой вдоль домов да двое мужиков у калитки улыбались и махали руками. Даже тени враждебности не было на лицах. Неторопливо проехали мимо них по узким улицам, выехали на окраину, остановились опять в ожидании команды. Мотолыги отставали из-за танков, а те по-прежнему совсем не торопились на войну.

В километре за городом напротив притулившейся справа к железной дороге лесопосадке снова остановились. На этот раз толпиться не стали, рассыпались веером, разбирая окрестности на сектора стрельбы. Прапорщик косился на рацию, покуривая в окошко и посматривая на посадку. Лучшее место для засады на них придумать сложно. Если в лесополке укрылись взэушники, то пиши пропало: никто живым не выйдет, птурами да границами¹⁶ сожгут всю технику, а из пулемётов да автоматов добьют выживших. О чём думали отцы-командиры, отдавая приказ? Танкисты не дураки, в паре сотен метров остановились от лесополки и навели на неё стволы.

– Ну-ка, возьми эту имитацию тайги на прицел. – Прапорщик ткнул пальцем в посадку. – Если что – чеши её и кромсай в капусту из своего карамультука, не прицеливаясь. Главное – темп и интенсивность.

Пулемётчик откинул люк, по пояс высунулся из него, передёрнул затвор и направил ствол «корда» на черные в своей нагоде деревья. Минут через двадцать опять раздался треск рации, и всё тот же хриплый голос распорядился начать движение, увеличив скорость и сократив дистанцию. Дурь, конечно, танки опять отстанут, да и сокращение дистанции абсурдно при увеличении скорости, но это армия, здесь обсуждать и осуждать дебилизм командиров не принято. И вообще складывается ощущение, что колонну ведут киевские штабисты.

Ехали, говорили о достоинствах и недостатках «тигра». Так, пустые разговоры, лишь бы снять напряжение. Впереди на обочине замерла «таврия» с заиндевевшими стеклами. Боже мой, «таврия»! У нас её уже лет тридцать днём с огнём не сыщешь, а тут раритет советской эпохи сиротливо притулился у обочины, словно милостыню просит.

Димон по рации передал, чтобы к машине не лезли: может быть заминирована, и чтобы проходили мимо осторожно и не вздумали останавливаться.

– Знаю этих архаровцев, им лишь бы затрофеить что-нибудь да ободрать, как липку, – проворчал прапорщик и вздохнул. – Да я и сам не против...

Глупо, конечно, предупреждать: дорога узкая, так что продвигались на малой скорости, едва не цепляя бортом машину.

Гончар толкнул пулемётчика: присядь, иначе, если рванёт, то осколками в лучшем случае иссечёт, а то и вовсе бестолковую голову срежет. Тот нырнул в салон, но, как только миновали легковушку, вновь встал за свой «корд».

Прошли Новую Казачью. Вдали показалась Цуповка¹⁷, от которой должны были свернуть влево, к трассе, и выйти к Алисовке. Через километр поравнялись с Токаревкой, к окoliце которой подступал лесок. Напротив, справа, километрах в трёх, виднелся ещё один, но покрупнее.

Выстрела никто не слышал и сначала даже не поняли, что произошло: глухой звук удара и чего-то лопнувшего, заглушаемый шумом двигателя, и из впереди идущего «тигра» повалил сизый дым.

– Это что, дымовая завеса? – Гончар тронул плечо водителя, не желая верить, что их обстреливают.

¹⁶ Граник (*армейский сленг*) – ручной противотанковый гранатомёт.

¹⁷ Украинское село на левом берегу реки Лопань, население около 1000 человек.

– Да нет у нас никаких дымовых шашек, – сквозь зубы зло бросил тот. – Либо на мину напоролся, либо заптурили¹⁸, либо арта.

Он хотел что-то еще сказать, но не успел: с ходу его машина врезалась в уже полностью затянутый дымом «тигр». Капот согнулся домиком, а из запаровавшего и пробитого радиатора потёк антифриз, и клубком вырвался пар, смешиваясь с дымом. Пулемётчик медленно сполз в салон и процедил сквозь стиснутые зубы, что у него сломана рука.

Прапорщик выругался:

– Сократить дистанцию! Сократить дистанцию! Досокращались, стратеги, мать вашу!..

Он открыл окошко, высунул автомат и стал короткими очередями гасить засверкавшие на опушке огоньки. Грохот автоматных очередей оглушающе ударил по ушам, едко и кисло пахло сгоревшим порохом.

То ли граната из подствольника пришла, то ли мина прилетела, но удар пришёлся в короткий нос «тигра», тряхнув машину. Взрыв, мгновенная вспышка, оглушающий звук, будто кувалдой по бочке, словно в замедленной съёмке вздувающаяся панель, разлетающаяся на мелкие осколки.

Прапорщик выронил на колени автомат и, застонав, сжал ладонями голову. Крови не было видно, значит, контузило. Гончар схватил его автомат, высунул в окно и выпустил две короткие очереди по пульсирующим огонькам. Автомат замолчал внезапно и неожиданно: закончились патроны. Они всегда заканчиваются внезапно и неожиданно. К «тигру» потянулись трассеры, по броне защелкали и заискрили пули, рассыпаясь веером в стороны от рикошета.

Батя напутствовал ни во что не вмешиваться, только показывать дорогу и в случае огневого контакта постараться отойти в тыл: есть кому воевать, а задача проводника никем другим выполнена быть не может. А тут сразу же попали в переплёт: первая машина горит, их тоже подбита, пальба со всех сторон. А обещали рушники с хлебом-солью, цветы, девчат и парубков с песнями и танцами...

Пулемётчик со стоном сполз в салон, словно грудничка, прижимая руку к груди. Гончар отодвинул его в угол салона, высунулся из люка и из «корда» стал короткими очередями бить по всему фронту, поводя стволом, пока не закончились патроны.

– Где лента? – нырнул он в салон и толкнул пулемётчика, сидевшего, согнувшись и нянча руку.

Тот одной рукой подал ему тяжеленную ленту, набитую патронами, и проводник попытался сложить её в короб, а конец вставить в приемник, но лента всё время выскальзывала, и патрон упрямо шёл наперекос.

– Помоги!

Пулемётчик, бледный от боли, процедил сквозь зубы, что надо заменить коробку. Гончар отсоединил пустой короб, попытался присоединить новый, но он всё никак не входил в пазы, и тогда проводник вставил ленту без него. «И какой же дебил придумал, чтобы пулемётчик стоял, по пояс высунувшись? Лучшей мишени не придумать», – успел с досадой подумать он и закричал на выскочивших из первого «тигра» троих спецназовцев, чтобы ушли с линии огня. Один тащил волоком водителя, а другой, стоя в полный рост, отстреливался короткими очередями. Они не слышали Гончара и продолжали медленно пятиться на «тигр», закрывая собою сектор стрельбы. – Ты можешь повернуть башню? – крикнул проводник пулемётчику. – Давай крути её вправо.

Тот дёрнул рычажок, башня повернулась, но «корд» заклинило. Гончар быстро откинул крышку, в несколько приёмов ему удалось передёрнуть затвор, опять вставил ленту в приём-

¹⁸ Заптурить – поразить из ПТУРа.

ник, но спецназовцы сместились вправо, по-прежнему перекрывая линию огня. Теперь они втроем – двое стоя и один лёжа – стреляли по опушке леса.

Чертыхаясь, Гончар снял пулемёт с установки, соскользнул в салон, открыл окно, высунул в него ствол и стал короткими очередями бить в сторону железной дороги, откуда тоже тянулись трассеры.

Рация захрипела:

– Уходите.

Из-под капота валил пар: движок закипел.

– Выключи печку! – крикнул Гончар водителю. – Давай назад.

Машина попятилась, затем круто развернулась на месте и поспешила прочь с места засады, но, проехав всего метров триста, зачихала. Задержалась, задымила и остановилась: заклинил двигатель.

– Ну вот и всё, приехали, для полного счастья только не хватало стать мишенью в чистом поле, – пробурчал Гончар и скомандовал: – Все на выход, занять круговую оборону.

Конечно, он бесцеремонно посягнул на полномочия командира, но прапорщик всё ещё мычал, тиская раскалывающуюся от боли голову, но опыта войны Гончара ни у кого не было. К тому же спецназовцы подчинились беспрекословно этому молчаливому гражданскому, который оказался не таким уж и гражданским, виртуозно управлявшимся и с автоматом, и с пулемётом.

Все выскочили из машины. К ним на скорости подлетел КамАЗ, и водитель «тигра» стал разматывать трос, а двое спецназовцев помогать ему. Высунувшийся из приоткрытой дверцы водитель КамАЗа крикнул, что не сможет вытащить «тигра»: машина загружена БК и вдоль бортов мешками с песком, прикрывавшими сидевших в кузове автоматчиков.

Прапорщик пытался отстегнуть от борта «мухи»¹⁹, но пальцы скребли броню и ему всё никак не удавалось осилить кронштейны. Проводник помог снять прикреплённые к борту «мухи», забросил за спину рюкзак и, не выпуская из рук пулемёт, подошёл к грузовику. Вместе с экипажем подбитого «тигра» забрался в кузов, пристроил «корд», расправил ленту. Кто-то стукнул ладонью по крыше кабины:

– Но-о-о, Савраска! Давай трогай!

КамАЗ взревел и натужно тронулся к селу. За околицей у фермы в молодом саду остановились. Так себе место, ни укрыться, ни спрятаться, деревца, что спички – тоненькие совсем, с палец толщиной.

Молодой боец привстал в кузове, огляделся и с плохо скрытой тревогой спросил, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно:

– А где наши танки?

– Да сбежали, суки, – сплюнул спецназовец. – У них аллергия на войну. Спешиваться надо, а то шандарахнет в кузов – и махом все на небесах будем.

Выгрузились, рассыпались веером, заняли круговую оборону.

– А ты что пулемет не отдашь кому-нибудь? – уминаясь вторым номером, спросил пулемётчик.

– Если бы ты был половчее, так ни в жизнь не обручился бы с этой невестой поневоле. А то давай руки ломать, лишь бы эту дуру не таскать, – отшутился Гончар, приспособивая «корд» на свой рюкзак.

– Да я не хотел, – извиняясь сказал второй номер и некстати добавил: – А вообще-то, меня Саня зовут.

¹⁹ Реактивная противотанковая граната РПГ-18.

Подошёл санинструктор, осмотрел руку пулемётчика, попросил срезать пару веток для шины. Проводник выбрал две ветки поровнее, срезал их, приставил с двух сторон к сломанной руке Сани, а санитар примотал их.

Мысль, что сейчас хохлы на танках попрут, а у них ничего нет, не давала покоя.

– Слушай, Димон, лучше бы свалить отсюда, от греха подальше. Наша задача – выйти на Алисовку и дальше к объездной, так что её надо выполнять, а здесь пусть мотострелки да танкисты с хохлами бушкуются. Это не наше направление.

Прапорщик согласно кивнул.

Вновь погрузились в КамАЗ и выскочили к трассе. Сидевший рядом с Гончаром боец поинтересовался, кто он.

– Да так, прохожий, мимо проходил.

У бойца в недоумении брови поползли вверх и замерли шалашиком.

– Понимаешь, устроили засаду на москалей, началась стрельба, дым, ничего не видно, я куда-то запрыгнул, а теперь сам не пойму, как среди вас оказался, – дурачился Гончар, говоря со всей серьёзностью и делая вид растерянности.

Спрашивавший упёр автомат в бок Гончару, но остальные засмеялись:

– Да свой это, дядя Вова, проводник наш. Шутит он, не понял, что ли?

– Шутка. Проводник я, провожаю отсюда и вечность. У нас бросок навывлет и, похоже, билет в один конец.

На перекрестке КамАЗ остановился, все посыпались из кузова и бросились занимать оборону в оставленных украинцами окопах. Хорошо, что копать не надо, а то ни у кого, кроме Гончара, сапёрных лопаток не было. Он срезал дёрн, уложил его пластами перед собою, установил пулемет, прицелился, поводил перед собою по всему фронту и, довольный, улыбнулся: стрельбе ничего не мешало.

Через полчаса пришёл боец и извиняющимся тоном попросил отдать пулемёт: приказ командира. Жаль, конечно, позиция хорошая, но спорить не стал: раз командир приказал, значит, так надо. Взвалив «корд» на плечо, боец поспешил обратно.

Оставаться в окопе безоружным бессмысленно. Он вылез и пошёл к перекрестку, где стояли командир отряда и ротный мотострелков.

– Ну, что будем делать? – спросил он.

Майор ошарашенно несколько секунд смотрел на него, словно на чудо: – Ты же сгорел в «тигре»!

– Считаю, что меня архангел Гавриил не принял и вернул обратно на грешную землю. Иди, говорит, выручай детвору, а то они навоюют. Короче, реинкарнация души и тела. Я был во второй машине, а сгорела первая. У нас выскочили все, только прапорщика твоего контузило не на шутку и у пулеметчика рука сломана. Про остальных не знаю.

– Дай мне танк и мотолыгу под десант. Задачу всё равно выполнять надо, – повернулся майор к ротному.

Тот кивком головы подозвал взводного, что-то сказал ему, и минут через десять приполз танк.

– Мотолыга разулась, – сказал, высовываясь из люка, танкист и чертыхнулся.

Комроты приказал дать вторую. Когда она пришла, то десантники расселись на броне, и она двинулась в сторону Харькова. Проехали с километр, десант спешился и занял оборону, а танк и мотолыга подались к месту боя. Часа через два танк притащил сцепленные тросом первую мотолыгу и подбитый «тигр».

Задул северный ветер, подмораживало, небо наливалось свинцом. Под прикрытием посадки мотострелки установили гранатомет «метис». Ветеран, ну да всё же лучше, чем ничего. Со всех сторон раздавалась стрельба: то редкая, то частили очередями.

Подъехали на легковушке гражданские, но им посоветовали возвращаться, от греха подальше. Пронесся КамАЗ с ранеными.

– Пулемётчика надо в тыл отправить. Он уже не боец – обуза, рука сломана. – Гончар закурил и посмотрел на командира группы. Тот согласно кивнул. Военные машины пролетали без остановки. Остановилась легковушка, за рулем мужчина лет шестидесяти, рядом – женщина такого же возраста: бежали от войны. К ним посадили пулемётчика, сказали, чтобы доставили в Белгород.

У санинструктора был открытый перелом пальца, из тактической перчатки торчала кость. Гончар стал убеждать его уехать вместе с пулеметчиком, но тот категорически отказался.

– Как я буду своим пацанам в глаза смотреть? Перевяжи лучше.

Гончар примотал бинтом палец к двум другим, натянул перчатку.

По дороге расхаживал пехотинец с «ксюхой»²⁰ в руках:

– Что, мужики, страшно? И мне страшно, только дурак не боится. Ну, погибнем здесь, так за Родину погибнем. А воевать надо, хорошо воевать, крепко.

– Таких бы побольше – и замполитов не надо, – повернулся Гончар к командиру группы.

Танкист возился с установленным на башне ПКВТ²¹. Неожиданно пулемет зататакал, и очередь пронеслась над головой, срезая ветки и засыпая ими бойцов.

– Ты что, воин, озверел? Сейчас гранатами забросаем!

Танкист нырнул в люк и в мгновение ока задраил его.

– Ты вот что... – Командир группы посмотрел на часы, потом на планшет. – Бери-ка группу и двигай на Харьков.

У Гончара разболелась голова, и никуда ехать никак не хотелось, но приказ есть приказ. Залез в кузов КамАЗа, приподнял тент, увидел длинные зелёные ящики с боекомплектom. Подумалось: если один прилёт, то поминай как звали. Но ехать-то надо...

Снова двинулись в направлении Харькова. Около Алисовки на спуске курился дымом наш подбитый «тигр». Огонь всё ещё лизал колёса, пламя вырывалось из покорёженного капота. Метрах в полуторастах от него замер танк – люки открыты, по корпусу следы копоти и огня. Ещё в сотне метров в сторону города около лесопосадки – сгоревший «буцефал»²².

Сидевшие в кузове мотострелки сказали, что «буцефал» поджидал наших в засаде, когда показался «тигр». Из ппура он подбил машину, добил её из пушки и успел снаряд всадить в идущий за «тигром» наш танк прежде, чем тот ответным выстрелом зажёт его. Подбитая «восьмидесятка»²³ сползла в кювет, мехвод погиб, в «тигре» погибло четверо спецназовцев, успел выскочить только один.

– На войне как на войне, – хмуро сказал кто-то из спецназовцев.

– Заметь, они ведь видели, какая сила прёт, могли уйти, а всё равно приняли бой. Это вам не пиндосы – свои же, братья славяне, одним словом – русские... А говорить друг с другом так и не научились, всё в морду дать норовим, – кивнул Гончар на «буцефал» и выщелкнул из пачки сигарету.

Все промолчали. Настроение, и так ни к черту под стать погоде, совсем упало.

Алисовка осталась слева, двинулись в сторону Русской Лозовой, откуда доносились звуки разрывов и пулеметной стрельбы. Догнали «гвоздики», ползущих с зачехлёнными пушками в походном положении и открытыми люками.

²⁰ Ксюха (*армейский сленг*) – автомат АКС-74У (автомат Калашникова складной укороченный образца 1974 года).

²¹ ПКВТ – 14,5 мм танковый крупнокалиберный пулемёт Владимирова.

²² БТР-4, бронетранспортёр «буцефал», 30-мм нарезная автоматическая пушка, 7,62 мм пулемёт, 30-мм автоматический станковый гранатомёт.

²³ Танк Т-80БВМ. Вооружение: 125-мм гладкоствольная пушка, 7,62-мм пулемет ПКТ и 12,7-мм противовоздушного пулемета НСВТ, высокоточные управляемые ракеты 9М119М «Рефлекс».

– И эти катят на прогулку, – сплюнул сержант и выматерился. – Хоть бы стволы расчехлили.

Русскую Лозовую обошли слева, КамАЗ свернул на целину и направился в сторону Циркунов. Темнело, но свет в домах не горел. Заехали в лес, заняли оборону. Никто не спал, обсуждали бой: шёл от силы минут десять, а показалось, что целый час. Первый бой всегда кажется долгим.

День закончился. Подкрадываясь ночь накрыла темнотой, укутала и укрыла от чужих глаз. Холодно и ветрено, мела позёмка, мелкая и колючая.

6

Гончар достал походный примус: привычка таскать его с собою ещё с Таджикистана, когда в пограничном спецназе служил. Разогрел банку тушенки, одним движением вскрыл её и принялся есть.

Подошел взводный, улыбнулся:

– Это же надо! Только из боя вышел, а уже сидит и тушенку жрет. Во нервы!

Поужинали, принялись устраиваться на ночлег. Кто слева, кто справа – никто не знал, и вообще в тылу ли они или на передке, а может, вообще к украм заехали, можно было только гадать. Сигарет ни у кого не осталось, но отправляться на их поиск не рискнули. Спальников ни у кого не было, спать на земле – гарантия воспаления лёгких, так что опять полезли в кузов: там хоть под тентом не задувало.

Ночь прошла довольно тихо, лишь изредка где-то постреливали. Рассвело. Позавтракали сухпайками: в машине их оказалось навалом. Пришел комроты, сказал, что, по имеющейся информации, хохлы начнут обстрел леса в семь часов утра. Гончар усмехнулся: ага, либо наши уши в Генштабе у укров сидят и стучат, не выходя из-за стола, либо привычная лабуда наших штабистов, придуманная в оправдание своей бездеятельности.

Оказалось, что лес буквально забит людьми и техникой. Совсем рядом расположились росгвардейцы и пехота. Чуть поодаль прогревали двигатели самоходчики и танкисты. «Вот бережёт же Господь нас, – подумал Гончар. – Долбанули бы ночью “градом”, так сами бы в панике друг друга передавили или перестреляли».

Он прошел по лесу. Навстречу попался генерал-майор: бушлат застёгнут на «молнию» наполовину, ремень автомата через грудь и зацеплен на одной антабке на прикладе – удобно, оружие справа под рукой и в одно мгновение движением руки уже готово к стрельбе. Так носит оружие спецпура. В его-то звании, по обычаю, в тылу сидят, а этот по лесу шарится. Видать, боевой мужик, сам ходит, без охраны, не боится.

– Кто таков? – Генерал полоснул взглядом.

– Проводник, вторая бригада спецназа.

– Иди к себе, нечего здесь землю топтать.

Сигаретку бы стрельнуть у него, но суров мужик, к такому лучше не соваться.

К опушке прижался украинский «град», к кабине жались трое вэсэушников, курили, тихо переговаривались. Обожгла мысль: «неужели вляпался?» Боковым зрением увидел копошащихся у КамАЗа наших солдат, из кустов торчала корма танка, подъехал «тигр» и выбросил троих спецназовцев, которые тут же растворились в лесочке.

Он подошёл к вэсэушникам, стрельнул у них сигарету, разговорились. Оказывается, что это они в семь утра должны были накрыть пакетом «града» лес, но не стали. Свои же, славяне, что же в них стрелять? Нацики власть захватили, а они воевать с русскими не хотят. Вот и рванули по трассе навстречу российским войскам. Никто не останавливал, а когда увидели наши танки, то остановились и попросились в плен. Танкисты дали блок сигарет и отправили дальше по трассе: не мешайте, тут своих забот полон рот, а ещё вы... Пришлось ехать до питомника,

где наших мотострелков упростили взять к себе под охрану. Смеются: никто в плен не берёт, маята одна, в тюрьме уже макароны дают, а они с вечера ничего не ели. Маху дали: надо было сразу в Белгород переть, уже и накормили бы, и спать уложили. А может, и паспорта дали бы...

Моросил мелкий дождь. Гончар вернулся к машине.

– Слышь, командир, надо окапываться, иначе, если начнут артой долбить, то мало не покажется. Да и бойцов надо занять, чтобы дурацкие мысли в голову не лезли.

Командир отряда согласился, и бойцы, поёживаясь, потянулись за лопатами. Проводник тоже взял лопату и с бойцами стал копать что-то вроде блиндажика. В вырытую яму набросали лапник, сверху накрылись плащ-палаткой. Сухо, не дует, дождь не достаёт, теперь жить можно.

Время тянулось медленно. В полдень по лесу отработали миномёты: окопы оказались кстати. Вечером позвал ротный, сказал, что поставлена задача выйти к Русским Тишкам и что ему придётся идти с третьим взводом. Рота будет ждать их в Борщевой.

Было их десятка полтора, усталых и мокрых. Комвзвода, лейтенант, чертыхнулся: ну почему надо весь день маяться от безделья, а ночью переться в какие-то Тишки, а? За полночь след в след двинулись через лес и через пару часов вышли к окраине села. Гончар и ещё двое спецназовцев отправились в разведку.

Шли по улице вдоль домов, завернули за угол и увидели три КраЗа: значит, вэсэушники, у наших КраЗов не было. Вернулись обратно, доложили комвзвода. Решили выходить из села. Перелезли через забор, вышли к крайнему дому. На шум появился хозяин. Узнав, что перед ним российские солдаты, не удивился, пустил в дом, напоил горячим чаем. Спросил: надолго ли пришли?

– Навсегда. – Лейтенант аккуратно поставил чашку и повторил: – Навсегда, батя, навсегда.

– Ну, дай-то бог. А то ведь кровью захлебнёмся...

Вроде бы поверил, а в голосе всё равно неуверенность.

Прощались, опять запетляли вдоль домов по улице. Около какой-то фермы заняли оборону, выслав разведку. Через полчаса она вернулась: напоролась на КамАЗы с «зетками», но подходить не стали. Комвзвода приказал дать зелёную ракету. Нашлась одна, её выстрелили, но ответа не было. Осторожно двинулись дальше, обошли коттеджи, вышли к лесу. На опушке увидели две СВД, аккуратно прислонённые к дереву, но брать не стали: вдруг заминированы? Опять вернулись на дорогу, перешли мост, вышли к перекрестку, повернули налево, в Борщевую, к месту сбора. На окраине села их окликнули.

Из взвода никто пароль не знал – не сообщили, но комвзвода уверенно пошёл на голос. Минут через пять позвал остальных. Закурили, сказали, что в Тишках видели КраЗы, но вэсэушников не встретили. Выкурили ещё по сигарете, и взводный повёл свой изрядно озябший отряд к месту сбора.

В центре Борщевой стояли КамАЗы, несколько «тигров», мотолыги. Здесь же находился командир роты. Комвзвода коротко доложил обстановку и рассказал о найденных снайперских винтовках.

Гончар промёрз, натёр ноги, поэтому сразу же сменил носки, залез в кузов КамАЗа, завернулся в спасательное одеяло и провалился в сон.

Ну, вот и закончился ещё один день войны. Странной войны. Не война, а какая-то «Зарница», только раненые, погибшие и сгоревшая техника настоящие.

7

Проснулся оттого, что кто-то называл его позывной. Откинув брезент, выглянул: спецназвец ходил между машинами и звал его. Оказалось, приехал комбриг и хочет его видеть.

Спецназ ГРУ

Глянул на часы: восемь утра. Небо серое, зимнее, морозное.

Полковник был уже в возрасте, поджарый, с пронзительным взглядом – сразу видно, что спецназовец. Гончар подошел к нему, и тот с улыбкой протянул руку:

– Давай без официальностей. Поведёшь нас по Харькову.

– Я город плохо знаю. Задача была довести вас до окраины, а дальше другие подключатся.

– Ну, до города, так до города.

Надо было сообщить в штаб, что он жив, здоров и что ему ставят другую задачу, но мобильник капризничал: сети не было.

Третий день войны прошёл в беспорядке и суете. Полевых кухонь не было, и в ход опять пошли сухпайки. Местные особо на контакт не шли, в разговоры не вступали, а если и спрашивали их, то отвечали односложно и норовили уйти.

С северо-востока напозли тучи, небо насупилось, срывался редкий снег. Наступил вечер. Гончар забрался в кузов машины, устроился между ящиками, накрылся своим «космо-одеялом», успел подумать, что в бронике не чувствуешь жесткость пола, и провалился в пеленающий сознание сон, предупредив спецназовцев, чтобы толкнули, если захрапит.

Сквозь сон услышал, как всхрапнул, проснулся, спросил, почему не разбудили. Сержант рассмеялся:

– Впервые вижу человека, который сам себя контролирует даже во сне. С тобою и часовых не надо – всё одно супостата услышишь. Нюх у тебя собачий, верховой, как у легавой.

8

Утро четвёртых суток ничем не отличалось от предыдущих, разве что со стороны Харькова изредка доносились стрельба и взрывы. С воем на форсаже пронеслись две «сушки», едва не цепляя крыши домов: низко прошли, значит, пэвэо у хохлов работает. В сотне метров ревели прогреваемые танковые двигатели. По улице проехали «Уралы» с прицепленными гаубицами и КамАЗы с пехотой. Новый день вступал в свои права. Четвёртый день войны.

Тело затекло, мышцы задеревенели, и Гончар, выбравшись из кузова на землю, принялся разогревать и возвращать задеревеневшие мышцы к жизни, приседая и размахивая руками. Полевых кухонь по-прежнему не было, и солдаты грызли галеты: так себе завтрак, но хоть что-то. Вода быстро стала дефицитом и у многих закончилась еще накануне вечером. У колодца уже выстроилась очередь с фляжками, флягами, канистрами и полторашками.

В кузове нашли ещё две канистры, полные воды, на костре в таганке вскипятили чай, бросив в воду несколько пакетиков. Обжигающий чай на морозе – это же такое блаженство! Тепло разливалось по телу, согревая изнутри, и утро уже казалось не таким серым, и куда-то исчезли грустные мысли, и повеселели глаза, и появились улыбки. Сигаретку бы – и вообще жизнь удалась! Нашлась парочка, пустили их по кругу в одну затяжку – закон делиться всем и вся соблюдался строго. Только вот с сигаретами беда – закончились ещё вечером.

Гончар прошёл к магазину в надежде купить сигарет, но решётки на окнах были опущены, а на двери висел огромный амбарный замок, красноречиво говоря, что незванный гость хуже татарина, потому с русскими торговли пока не предвидится.

Выручил прапорщик – раздобыл где-то целое состояние: два блока сигарет, а значит, по пачке на брата. Живём, славяне!

Пришёл вестовой, сказал, что Гончара зовёт к себе командир отряда. Майор разложил на откидывающемся столике карту и водил по ней пальцем, слушая басовито и неразборчиво галдящую рацию. Затем повернулся к проводнику: – Серьёзная байда заваривается. Пойдёшь на втором «тигре». Задача прежняя – вывести к Харькову.

– А что тут выводить? Вот Борщевая, вот дорога, сзади Белгород, впереди Харьков, катись – не хочу хоть туда, хоть сюда – всё едино. Тем более уже не одна колонна к окружной прошла, да и обратно тоже: не наступление, а какие-то вялые фрикции импотента.

Комроты пожал плечами: что тут возразишь, но задача поставлена и её надо выполнять.

Старый знакомый комвзвода обрадовался Гончару:

– Пацаны, это дядя Володя, наш проводник, с нами пойдёт. Теперь не пропадём: и накормит, и спать уложит, и сбережёт, и сделает всё, что душа желает.

А душа у Гончара желала одного – ясности: четвёртые сутки бардака выматывали, но до неё никому не было дела. И вообще душа – субстанция нематериальная и даже в чём-то мистическая, а здесь реалии, здесь война, здесь место разума, который почему-то забился в угол и с недоумением, а порою и с ужасом смотрел на происходящее.

Проехали какое-то то ли сельцо, то ли хуторок и пошли вдоль холма. На обочине стоял КамАЗ росгвардейцев; бойцы курили, разговаривали, махали проезжавшим и улыбались. Тот самый КамАЗ, в котором коротал ночь Гончар и с которым сутки назад он мотался по полям и лесам. В кузове остались его рюкзак и чудо-одеяло, в котором даже в самый лютый мороз можно было без проблем спастись от холода. Когда миновали его и отъехали на сотню метров, то сзади раздался оглушительный взрыв: мина легла точно в середину кузова.

Комвзвода приказал возвращаться: вдруг нужна помощь?

КамАЗ догорал, резина чадила нещадно, неподалёку сидели прямо на земле бойцы. Кого-то перевязывали, двое были накрыты плащ-палаткой с головой – «двухсотые». Вот как бывает: вчера были вместе, гоняли сигарету по кругу, а теперь разделились на живых и мёртвых.

Сигарет ни у кого не осталось. Гончар успокоил: в следующем селе купим в магазине. Комвзвода зло сплюнул:

– Какой нахрен магазин, когда гривен всё равно нет?

– У меня есть. – Гончар достал несколько смятых купюр.

– Покажи, покажи, покажи, – несло со всех сторон, и тянулись руки к этой заграничной невидали.

Оказывается, они даже никогда в жизни в глаза украинских денег не видели.

Опять въехали в Русские Тишки: ну, просто какой-то заколдованный круг. Или соломоново кольцо: направо пойдешь или налево – разницы нет, всё одно встретимся, потому что земля круглая. Или Гегель, с его теорией развития всего сущного по спирали на более качественном витке. Конечно, качественном: прошлый раз ночью в село зашли, ничего толком не видели, на этот раз утром, а это уже отличие.

Появились местные, в основном молодые девчонки с белыми повязками на рукавах. Не чурались, разговаривали нормально, любопытствовали. Проехали мимо закрытого магазина. У добротного кирпичного дома в три окна и мансардой стояли мужики, курили и с любопытством посматривали на подъехавшую машину. Гончар поинтересовался, где украинская армия. Мужики пожали плечами:

– А бис его знает. Давеча были, а утром уже нет. Вот вас бачим, а куда те подевались – не знаем. Скорее бы ваши заходили, а то без власти никак. Нам всё едино: белые, красные или зелёные, главное – стабильность. Да чтобы войны не было. Без власти народ дуреет, ему кнут нужен. И чтобы магазин работал.

За Циркунами перед речкой свернули влево и остановились. «Тигр» загнали в кусты, хоть и не знали, где свои, а где враг, но на всякий случай оборудовали позицию: маленький окопчик по пояс глубиной на два стрелка.

Со стороны Харькова глухо доносилась стрельба: судя по всему, палили хохлы для остротки. После обеда появились «тигры» первой роты. Ротный нервно курил глубокими затяжками и говорил рубленно и резко:

– Наши в городе напоролись на засаду. Шли на бронированных КамАЗах и «тиграх», но их птурами сожгли. Больше никто в город не зашёл: ни росгвардия, ни мотострелки. Наши там одни рубятся. Не война, а полное б...ство.

Поступила команда выдвинуться к окружной дороге и занять оборону. Эти два километра махнули в одно касание, машины загнали в сосняк и замаскировали лапником, сами заняли позиции по опушке. Рация подтвердила, что группы спецназа, зашедшие в город, ведут бой.

Гнетущая неизвестность давила, добавляя нервозность. Ближе к вечеру опять пробудилась молчавшая до того рация и известила голосом комбата: вышел на связь командир второй роты²⁴ и сообщил, что техника подбита, они окружены в школе, которая уже горит, и вызвал огонь на себя.

Ночью пришла машина из бригады, и кто-то сказал, что все спецназовцы, зашедшие в Харьков, погибли. Потом узнали, что всё-таки кому-то удалось вырваться.

Доносившаяся с вечера стрельба на окружной слева и справа от Циркунов к полуночи стихла. Ночь прошла в напряженном ожидании. Никто до утра так и не сомкнул глаз. Думал каждый о своём и о том, почему же никто так и не пришёл на помощь спецназовцам. Что это: головотяпство, равнодушие, халатность или предательство?

Едва рассвело, Гончар попросил взводного дать ему в сопровождение двух бойцов, чтобы сходить к подбитому КамАЗу, забрать рюкзак и флаг Харьковской области. Комроты предупредил, чтобы были осторожны, так как хохлы могли заминировать.

Рюкзак нашли метрах в десяти от машины – выбросило взрывом. Чуть в стороне лежало одеяло с обгоревшим краем. Жаль, хорошее было одеяло, выручало не раз. Вернулись. Взводный приказал снайперу дать Гончару «винторез»²⁵. Тот передал винтовку, два десятка патронов и ещё полмагазина. Прапорщик Карим протянул «лимонку»:

– Держи, дорогой, это чтобы в плен не попасть. Потом Карима благодарить будешь.

²⁴ Утром 27 февраля 2022 года отряд 2-й бригады спецназа ГРУ зашёл в Харьков, но был заблокирован украинскими силами и укрылся в 134-й школе, где произошел бой. Командир – капитан А. Жихарев.

²⁵ ВСС – винтовка снайперская специальная – бесшумная снайперская винтовка подразделений специального назначения.

– С того света, что ли?

– Э-э, брат, зачем с того? С этого. Вот как припечёт, так достанешь гранатку и сразу меня вспомнишь.

Гончар поймал себя на мысли, что сомневается в себе: сможет ли рвануть чеку? Хватит ли сил и духа? А ведь никогда раньше даже сомнений не было, всегда была готовность к самоподрыву, чтобы плена избежать, а теперь... А ведь Батя предупреждал, что в плен попадать нельзя. Он верил, что Гончар никогда в плен не сдастся, а тут сомнения... Да нет, конечно, не сдастся.

Подошёл «тигр», остановился, не глуша двигатель. Открыв дверцу, высунулся ротный:

– Всё, баста, отвоевались пока. На переформирование возвращаемся, ну а ты, дядя Володя, ещё с двумя бойцами нас прикрывать будешь. Пожалуйста, старик, на тебя надежда...

Гончар посмотрел в сторону Харькова, затем в направлении Белгорода, перевёл взгляд на винтовку, словно что-то оценивая. Усмехнулся:

– Прикрывать – так прикрывать, благодарен за высокое доверие. Винтовка – это как раз то, что надо, особенно если пойдут танки.

А жена так и не знала, где он. Ничего не сказал, когда уезжал. Ничего не рассказывал и когда вернулся. Если погиб бы, то так и не узнала бы, что случилось: пропал и всё. Исчез. Был человек – и нет его.

С севера показались мотолыги и КамАЗы с пехотой:

– Ну вот и «империя зла» идёт. Очень зла империя, добра не ждите. – Сержант повернулся к Гончару. – Поехали, дядя Вова, на сегодня мы своё отработали.

Ну, вот и всё, война для него закончилась. Бл...!

Муравей

Сегодня я «муравей». Неожиданно для себя. Не моя очередь тащить медикаменты и воду в Волчанск на агрегатный завод. И вообще моей очереди нет и быть не может, хотя никакой очереди в помине нет и не было. «Муравьи» – это целый взвод материально-технического обеспечения бригады, сутки напролёт таскающие на себе пластиковые емкости с водой, рюкзаки и выюки с медикаментами, сухарями и БК. Как ишаки навьюченные, но ишаки не ползают, а у этих весь путь делится на отрезки: шагом и во весь рост; пригнувшись и уже семенящим шажком; перебежками; на карачках; ползком. А раз ползком – значит, муравьи.

«Муравей» живёт от силы пять-шесть суток, хотя штурмовик и того меньше. Слава богу, я не штурмовик, поэтому у меня в запасе не менее четырёх суток фронтовой жизни, если останусь в бригаде. Четверо суток на войне – это целая вечность. Или мгновение. Это как посмотреть.

* * *

Я не собирался становиться «муравьём». Я вообще с «муравьями» и рядом не стоял. Я сугубо гражданский, а они армия. Я думал, что меня встретят с распростёртыми объятиями и под белы ручки препроводят в Волчанск на агрегатный, где я с кем-нибудь поговорю, напитаюсь мужеством, проникнусь героическим моментом и выдам что-нибудь пафосное в «телеге», а потом и на странице очередной книги. Конечно же, снимаю дозволенное, а заодно и сам запечатлеюсь непременно с мужественным лицом и пламенным взглядом. Но «муравей» на час? Даже на минуточку? Да никогда. Ни-ког-да и ни за что! И вообще я же не контрактник и даже не волонтёр. Я вообще по другой части. Вовсе не блажь и не погоня за адреналином – я за сюжетами. Я должен прожить жизнь «муравья», чтобы потом писать о нём. Пусть даже мгновение жизни, но «муравья».

Я приехал в штаб, как и договаривались, перед рассветом. Комбриг обещал дать сопровождение в Волчанск на агрегатный, где его батальоны дрались, выживали, погибали. Где ФАБы заживо хоронили в развалинах и своих, и укров, разбирая их на молекулы. Где наша арта заколачивала смертоносные снаряды в уже взятые, но пока не зачищенные многоэтажки наперегонки с укропами. Конечно, не по злему умыслу, а по ошибке.

Комбриг грозился обеспечить впечатлениями для будущей книги, а пока распекал комбата-два, совсем мальчишку с прилипшем ко лбу чубчиком и распахнутыми голубыми глазами. Нереально голубыми и по-детски чистыми. А ещё у комбата был перебит нос, и ротный санитар налепил ему блямбу из ваты и бинтов так, что она мешала ему смотреть, и он медленно поворачивал голову на забинтованной шее то влево, то вправо, потому что не мог охватить одним взглядом всё пространство.

За впечатлениями для будущей книги

– Да что ты, б..., вообще видел?! Ну, разве...ли вас пару раз «хаймерсами». Ну, заполировали на х... минами да артой. Ну, прошлись, б..., стрелковкой. Ну и что?! Что ты мне тут размазываешь всякую сопливую хрень?! Достоевщину свою и нытьё оставь для слезливых барышень. Заруби себе на носу: настоящая война жесткая и даже жестокая, хотя на войне это не жестокость, а необходимость, вызванная страстным желанием выжить.

Я наслаждался слогом комбрига: сочно, экспрессивно, густо просолено и сдобрено перцем. Ну, просто Пушкин, а Александр Сергеевич знал толк в крепком словце. Да что там знал – виртуозом был наш светило русской словесности. Ну и поэзии, конечно.

Комбат просил дать разрешение на вывод своих бойцов из девятиэтажки рядом с заводом, потому что третьи сутки у них не было еды и воду они брали из батарей отопления, рыжую от ржавчины и пахнущую чем-то кислым.

– На штурм идут голодными совсем не потому, что в случае ранения в живот есть шанс выжить. Вытащили кишки, прополоскали в луже и обратно запихнули: живи, воин! Главное – не обоср...ся прямо в штаны. Иногда так накроют артой, что кишечник сам опорожняется без команды. А когда живот пуст, то штаны сухие. Беречь надо казённое имущество.

Комбриг грубиян, циник и матерщинник, но прав на все сто.

Это было позавчера, после полудня. Комбат не остался в госпитале и вернулся к своим, прихватив две полторашки воды и два цинка патронов. Утром его снял снайпер: вогнал пулю в сломанную переносицу, но вытащить его не смогли. Он так и остался в девятиэтажке вместе с остатками батальона, а к вечеру ФАБ-1500 похоронила их вместе с прорвавшимися украми.

Комбриг мужик настоящий, слово всегда держит. Только вот на месте его не оказалось: четверть часа назад полковника увезла скорая. Повезли его в госпиталь снижать давление, взмывающее вверх до немыслимых высот и падающее в преисподнюю: после контузии оно скачет, как гимнаст на батуте. Слава богу, что напоследок он успел распорядиться пропустить меня в штаб бригады.

Вместо него сидел незнакомый мрачный майор с перевязанной шарфом шеей: фуникулярная ангина лишила его возможности разговаривать и даже нормально дышать. И как он умудрился схватить эту детскую болезнь в такую жару? Говорил он едва слышно густой хрипотцой, дырявил мрачным взглядом, и казалось, что ещё секунда – и он погонит меня трёхэтажным матом, чтобы не путался под ногами. Эти товарищи военные при всех потугах изъясняться высоким штилем в минуты эмоционального подъема легко переходят на доходчивый русский матерный. Но что-то сдерживало его: может, то, что я был приятелем комбрига, может, воспитание не позволяло, хотя на воспитанника института благородных девиц он явно не тянул. Жёсткий мужик, без сантиментов. Со страдальческой гримасой на заросшем щетиной лице, он пожал протянутую руку и кивнул на топчан – присаживайся покуда, чёрт тебя подери. Я было начал рассказывать об обещании комбрига отправить меня с оказией в город, но он резко оборвал: – Забудь. И вообще, пока я здесь, то никого из посторонних в бригаде не будет. И тебя тоже.

* * *

Заместитель комбрига не хотел и слушать, чтобы я оказался в Волчанске. Во-первых, без согласования с пресс-центром армии ни один военкор не мог находиться в расположении бригады. Во-вторых, доставлять гумку вообще, и медикаменты, в частности, в Волчанск посторонним дядей не первой свежести никакой надобности нет. В-третьих, судьбу испытывать не стоит. Придёт время, и она сама так испытает на излом, что еще и не рад будешь.

Но я был упрям. По-своему упрям, и моё упрямство шло не от характера, а от стыда: сам же вслух сказал, что пойду на агрегатный, причём в присутствии начштаба, комбата разведосов и радистов. Это свидетели, хотя старательно и делали вид, что не слышат нашего разговора. Никто за язык не тянул, а теперь в кусты? В глаза никто ничего не скажет: что с гражданского взять? Да к тому же за пределами возрастного, но смотреть будут с долей скрытого превосходства. Во всяком случае, я считал, что моя честь требует защиты действием.

Замкомбрига был неумолим. Дежурный проводил меня к машине, крикнул часовому на КПП, чтобы выпустил, попрощался и ушёл. Нет, ну, так не пойдёт! Мы так не договаривались! Я что, за просто так встал в такую рань несусветную и ни свет ни заря припёрся сюда, чтобы мне под нос сунул кукиш этот хрен с майорскими звёздами? Хоть кровь из носу, но я должен быть в Волчанске, и я там буду!

Я поднял капот и тупо уставился на двигатель, прокручивая варианты. Сцена для ребят на блокпосту строго по Станиславскому. Пусть думают, что у машины какая-то поломка и крупнейший спец мирового автопрома пытается её ликвидировать. Хотя ко мне они давно привыкли – примелькался уже, выпроводить меня команды они не получали, так что, может, напрасно комедию ломаю?

Рядом резко затормозил уазик, взбив пыль. Дверца резко распахнулась и на пружинящий слой рыжей хвои, ковром покрывшей песок, прыгнул Лёшка, комбат разведчиков. Поджарый, с круглой, наголо стриженной головой, рассечённой от виска до затылка шрамом – осколок разрезал шлем, как ножом масло, а заодно и Лёшкину черепушку, и пришлось ему полгода проваляться в госпитале. Его лукавая монгольская рожа будто светилась счастьем встречи.

Меня осенило: вот с кем проберусь в город! Господь услышал мои молитвы и послал спасителя в лице комбата. А ведь он знает об обещании комбрига помочь мне пробраться в город! Сегодня мой день, а значит, никто и ничто мне помешать не может.

Конечно, с точки зрения нормального человека, идти в город, который разбирают по кирпичику, который задыхается от трупного смрада, который изнывает от жажды, который корчится от боли – это авантюра, безбашенность, безрассудность и самоубийство. Это только внешне храбрость на показ, а внутри загнанный под самые пятки страх. Это распирающая гордыня – грех человеческий, страшная сила, всепоглощающая и таящая саморазрушение. Это подавление комплексов, которые мы боимся показывать – неуверенность, слабость духа, страстное желание покорить окружающих безотносительно – мужчина или женщина, ребенок или старик тем, что у тебя напрочь отсутствует. Хотя нет, это ответственность за свои слова: раз назвался груздем, то полезай в кузов. И вообще, в мужчине должен доминировать мужчина, а не размазня.

Я сугубо гражданский

Это я так оправдывал себя, потому что никто, случись что, оправдывать не будет. Скажут просто: дурак, нормальные так не делают...

– Привет, Лёш! Ну, тебя сам Господь послал, а то думаю, кто же меня проводит в город? Возьмёшь? – тискаю его за плечи и заглядываю в глаза.

Комбат радостно жал руку и кивал головой. Гляди, и комбриг оценит проявленное им уважение к его приятелю.

– На блокпосту могут прицепиться из военной полиции, так что я впишу вас в бээрку²⁶ как... – И комбат назвал чужую фамилию. – Запомните, хотя наверняка не пригодится.

Ну вот, не хватало ещё, чтобы какой-нибудь служака попросит предъявить документы. Тогда наверняка без комендатуры, а потом и интеллектуальной беседы в контрразведке не обойтись. Ну, да Бог не выдаст, свинья не съест. Обошлось: с блокпоста ребят из военной полиции словно корова языком слизала.

Сорокалитровый тактический рюкзак производства «наших партнёров» набиваю упаковками с нефопамом, бинтами, антисептиками и всем, что край как необходимо на передовой, засовываю четыре полторашки и запикиваю и без того забитый багажник узики комбата. Туда же летит «разгрузка», броник, каска, фляжка, аптечка, компас. Нож закрепляю на поясе, бандану повязываю на шею и усаживаюсь на заднее сиденье рядом с разведчиком. Всё, готов.

Комбат резко бросает водителю:

– Гони!

* * *

На бешеной скорости пролетаем по Новой Таволжанке, сворачиваем на Волчанскую, в конце улицы петляем вправо-влево, соскакиваем на грунтовку, метров триста катим вдоль леса и упираемся в шеренгу сосен, за которыми прячется густая дубрава. Можно бы и дальше ехать по просеке, но комбат командует:

– Стоп машина, сушите вёсла. Приехали, дальше пешком.

Под сосной на траве в ожидании комбата сидят бойцы. Немного, всего с дюжину. Это «муравьи». Они не из его разведбата, но ждут именно его: он их поведёт к себе в батальон на агрегатный.

Надеваю «броник», поверху разгрузку, цепляю аптечку и всякую нужную и ненужную ерунду, необязательно пригодящуюся, повязываю на голову бандану. Шлем надевать не стал – прицепил сзади к рюкзаку. Со стороны так обхохочешься – тот ещё вид: морда вниз, спина параллельно земле, колени согнуты! Тут и так годы к земле гнут, а с этим «баулом» на бравого солдата совсем не похож. Если только на Швейка, да и то из комиксов.

Комбат шутит:

– Надо было палки взять для скандинавской ходьбы. Заодно и от укуров отбиваться, когда через лес обратно пойдёте.

– Почему через лес?

– Так там тропка петляет между сосен и тенёчек. К тому же через лес короче. Вам непременно захочется сократить путь и воспользоваться прохладой леса.

– А почему сейчас не воспользоваться «прохладой леса»? – передразниваю его.

Кто бы думал, что этот мальчишка с монгольскими скулами может так изысканно изъясняться. И даже поэтично: «прохлада леса». Это же надо!

²⁶ Бээрка (армейский сленг) – боевое распоряжение.

– Там «птицы» кружат, добычу высматривают, стервятники. Если сейчас пойти, то можно задачу и не выполнить, а вот обратно можно и рискнуть.

Конечно, лесная тропа – это хорошо. Это прохлада, это защита от посторонних глаз. Но, с другой стороны, тропинка в лесу – это плохо. Даже скверно: ты ни черта не видишь, что таится за ближайшим кустом, зато сам – как на ладони. Одна радость – в сосняке без лиственного подроста светло и видимость что надо. Но здесь сосна только по кромке, лес густой, лиственный, тёмный... Зато дышится легче, чем в хвойнике. Ну вот почему в сосновом лесу дышать тяжело, сушит горло и дерёт...

Ну что за дурацкие мысли одолели? Лес да лес, тропа как тропа, лишь бы миной не садануло да «птичка» не капнула...

Двое бойцов подначивают друг друга, раскладывая по мешкам привезенное комбатом.

– Тебе памперсы сейчас отдать или когда штаны менять будешь?

– Себе прибереги на обратный путь.

* * *

Уже девятый час. Солнце карабкается в зенит и начинает припекать. На небе ни облачка. Вытягиваемся в цепочку: впереди разведчик, затем комбат, в спину ему дышу я, за мною «муравьи», замыкает ещё один разведчик, поджарый и, кажется, неустойчивый. Он умудряется догнать комбата, что-то негромко сказать ему, потом вернуться на своё место, прочесать лес справа, опять вернуться к комбату, доложить ему и вновь занять свое место замыкающего.

Тропинка окаймляет кромку леса, и за месяц вытоптана берцами солдат. Зной выжигал землю с выжженной травой, а заодно плавил подкожный жир. Я нисколько не возражал против персональной парилки: шанс сбросить лишние килограммы меня даже радовал.

Комбат шагает широко и бесшумно, а я задыхаюсь и начинаю отставать. Нельзя, интервал определен в полтора метра, всё движение рассчитано по минутам. Впереди, в городе грохочет всё отчётливее. Наверное, нам радуется, салютует... Да нет, бьётся в конвульсиях, задыхается... И я тоже задыхаюсь, травяной настой сушит горло, забивает нос и кружит голову. Не хватает еще приступа проклятой астмы... Нет, война не для стариков с букетом болячек. Это удел молодых. Но они-то в чём виноваты, что мы не сберегли страну, не смогли управлять разумно тем, что осталось, свалились в пропасть и теперь ничего лучшего не придумали, как разрушать и убивать...

Комбат оглядывается, и я рывком сокращаю расстояние до полутора метров, спотыкаюсь и едва не падаю, успев схватиться за Лёшку. Он удерживает меня, окидывает взглядом своё войско, но я понимаю, что его взгляды для меня: ну как, дышишь ещё?

Сколько прошли? Пожалуй, километра два, а уже неважно. Так не годится, у них всё отработано на раз-два, а тут... Нет, так нельзя, надо идти одному...

Комбат словно услышал меня и коротко бросает:

– Привал пять минут.

Поворачивается ко мне, словно извиняясь:

– Мне ко времени надо быть на агрегатном. Давайте я вам дам бойца в сопровождение, он проводит до точки сбора. Вы только обратно до темноты успеете.

Я с облегчением выдохнул: ну, вот и проблему разрешили. Благодарен комбату: и по моему самолюбию берцами не топтался, и проблему решил.

– Слушай, Лёш, вы идите, а я сам потихоньку. Мне ведь не ко времени, у меня променады в удовольствие, а тебе воевать надо. И сопровождение мне ни к чему. Я же взросленький, без нянечки уж как-нибудь сам...

Комбат торопится, ему некогда возиться со старой ветошью, и он сует мне «азарт»²⁷.
– Возьмите на всякий случай. Оставьте на точке.

По мне так эта штука неудобная, особенно торчащая петлёй антенна, к тому же лишний килограмм уже в тягость, но обижать отказом его не хочется. Это же забота, рация у него совсем нелишняя, а вот поди ж ты, от себя отрывает.

Наматываю на руку белую ленту – припас из дома. У всех ребят красные, а у меня белая. Как в феврале двадцать второго. Дежавю.

А со стороны Волчанска накатывает гул – работает артиллерия.

* * *

Комбат опять вытягивает в цепочку своих ребят, и вижу сначала их нагруженные рюкзаками и выюками спины, а потом и те скрываются за вильнувшей тропой.

Запрокидываюсь на спину, не снимая рюкзака, задираю ноги и упираю их в ствол сосны. Позвоночник растягивается, кровь отливает и ногам легче. Блаженство! Пять минут прошло, пора вставать, но как не хочется!

Переваливаюсь на живот, подтягиваю ноги, поднимаюсь на колени и встаю. Да, палки не помешали бы уже сейчас, чего там ждать возвращения. Это только треть пути, а что дальше? И еще обратно топать...

Снимаю рюкзак, «разгрузку» и бронежилет. Его решил спрятать в лесу и забрать на обратном пути. Не к чему он мне: в бой не идти, а таскать на себе четверть пуда не по годам.

«Броник» прячу в терновнике – колючий, гад, не иначе у укров на пайке содержится, все руки исполосовал. Возвращаюсь на тропу, ножом делаю на сосне засечку. Опять надеваю «разгрузку» и рюкзак – ну, совсем другое дело!

* * *

Сколько прошёл? Скорее, протащился. Минут сорок или час? Не засёк время после привала, теперь гадай, чёрт возьми... Жарко, потно, тяжело, ноги давно свинцовые... Впрочем, лучше быть мокрым от пота, грязным и вонючим, чем мертвым, поэтому жмусь ближе к соснам, поглядывая на небо и по сторонам.

В Волчанске грохочет всё отчётливее. Глухо погромыхивает сзади: то ли по Шебекино бьют, то ли по Новой Таволжанке. Когда шли, то пульсирующая в висках кровь долбила посильнее канонады, глуша все звуки... Да, знатно бухает...

Кромка леса подрезала то ли вырубку, то ли поле, заросшее бурьяном, а может, заброшенную луговину. Вдоль неё ползёт тропа – натопанная натруженными ногами бойцов. Пару раз отворачивали изрядно заросшие просеки, ныряя в лес. Куда и зачем? И что за прямоугольные проплешины редколесья виднеются? Грибной лес, наверное, побродить бы по нему с лукошком...

Навстречу ползут «муравьи». Не в буквальном смысле, конечно, а просто еле ноги передвигают. На этот раз целое отделение. Идут стайкой, тащат двоих раненых. Останавливаются, стреляют сигарету. Им не хочется торопиться, хоть и идут в тыл. Быстро придут – быстро загрузят и опять отправят обратно. А так дотащатся к сумеркам, значит, лишние три часа проживут, а может, и до утра останутся. Поедят, отоспятся...

Интересуюсь, далеко ли укры. Конечно, не просто так спрашиваю: не вляпаться бы. Для меня всегда лес был безопаснее городской улицы, но только не сейчас...

²⁷ «Азарт» – цифровая радиостанция шестого поколения Р-187-П1 «Азарт».

Солдат, на вид лет сорока в заляпанной кирпичной крошкой, мелом и бурой засохшей кровью, стреляет у меня вторую сигарету, прикуривает, затягивается, выпускает дым медленно, смакуя:

– Да хрен его знает, где они. Может, и рядом лезут, вон за теми кустами сидят и уши греют, а может, далеко. Сплошняка нет, лес за Огурцово то ли наш, то ли укропов – те шарятся по кустам, как у себя в огороде. А ты что без автомата?

– Да вроде не положено.

– Что значит не положено? На вот, возьми. Это вот этого. – Он кивает на раненого, лежащего на носилках: глаза закрыты, дыхание редкое и прерывистое, лицо какого-то синюшного цвета.

– Ему он больше не понадобится – дойдет в дороге или на базе, но всё равно дойдет. Осколки кишки вывернули. Засунули обратно, перевязали... Другой бы уже давно Богу душу отдал, а этот живучий...

Беру автомат, от магазинов отказываюсь. Тут в случае засады и одного более чем достаточно: и нажать на курок не успеешь, если вляпаешься...

Перекур в пять затяжек, полторашка воды по кругу и – в путь. Раненому даже губы смачивать не стали: дыхание едва-едва, глаза закрыты и впрямь парень уже на переходе в мир иной... Не прощаемся, но желаем удачи и расходимся.

* * *

Сколько осталось? Километр, полтора, два? Грохочет так, что аж земля бьётся в мелкой дрожи. «Господи, спаси и сохрани. Господи...», – шепчу мысленно и упрямо топчу тропу. Бандана намочена так, что хоть выжимай. Язык, что наждак, и не ворочается, словно прилип к нёбу. Голову будто засунули в жаровню и медленно проворачивают в ожидании, когда она расколется. Глаза выедают пот, деревья, кусты, трава подёрнуты красной пеленой. Это скверно, это похоже на границу теплового удара. Шандарахнет – и поминай, как звали.

На ходу отстёгиваю фляжку и остатки лью на голову. Вроде бы легче, но не очень, хотя пелена с глаз спала, будто резкость навели. Попить бы, да полторашки трогать нельзя, табу, а фляжка теперь совсем опустела.

Волчанск грохочет, черный дым заволакивает полнеба, ощущается запах гари. Жарко, очень жарко и душно. Я останавливаюсь, приваливаюсь спиной к сосне, но не присаживаюсь: сил встать едва ли хватит. Ну до чего же тяжел рюкзак! Нефопам – пушинка, бинты – пушинка, а вместе тяжесть неподъемная. Закрываю глаза. «Надо идти, надо идти, надо идти», – пульсирует в висках. Через силу отрываюсь от пахнущего скипидаром ствола, делаю несколько шагов по тропе.

Навстречу медленно колышутся какие-то фигуры. Словно мираж – плывёт всё и колышется. Снимаю автомат с плеча, кладу руку на затворную раму. Нырнуть бы за сосну – всего-то шага три, да только сил нет и накатывает оглушающее равнодушие: будь что будет, но всё равно первым успею нажать на курок. Первым, не привыкать...

Они придерживают шаг, потом машут мне рукой: свои. Подходят, присаживаются. С ними пленный – дебёлый малый, багровая, вспухшая через всю щёку, царапина, синие скотчи через предплечья и на ногах выше колен. Руки связаны скотчем за спиной. Садится прямо на тропу, поджав ноги под себя по-турецки. Э-э, парень, да ты непрост. Так садятся из спецухи – пружиной выстреливают тело вверх в случае опасности, распрямляясь, и сразу нога идёт в удар.

Пленный – это подарок судьбы, удача редкостная: их сразу забирает контрразведка и увозит. У меня возник эдакий экспресс-опрос, а то когда ещё повезёт.

Достаю сигареты, угощаю разведчиков, интересуюсь:

– Сам сдался, или взяли?

– Ага, сам, как же, держи карман шире. Это только трепачи из «ящика» сказки рассказывают. Патроны кончились, вот и взяли, – затягивается сигаретой крепыш с типичной рязанской физиономией.

– За что воюешь? – спрашиваю хохла.

Тот старательно изображает хуторского дебила, через пень колоду понимающего русский язык. Морщит лоб, беря паузу, словно пытается понять вопрос, но явно переигрывает. Блин, да я сам не хуже тебя обучен по Станиславскому, так что напрасно комедию ломаешь.

Конвоир невысок и щупл: то ли бурят, то ли тувинец, раскос и внешне невозмутим. Не Макаренко, конечно, и наверняка даже не слышал о нём, но педагогическим даром убеждения обладает. Он с ноги печатает ему в подбородок, разбивая губы в кровь, и тот сразу же переходит с рагульского на чистый русский язык. Даже почти классический литературный, на котором разговаривал товарищ Ленин, а еще раньше Пушкин.

Мне совсем его не жалко. Ну, разбили ему ребята хавальник, так нас, попади к ним, давно бы на ремни порезали...

– Ты ненавидишь хохлов? – вопрос, конечно, дурацкий и не ко времени, но всё же...

Крепыш задумчиво смотрит на небо, ещё не выцветшее и без единого облачка, переводит взгляд на меня:

– Ненависть надо выстрадать. В бою для меня нет хохлов, поляков, французов – есть враг, которого надо убить, иначе он убьёт меня. А пленных поздно ненавидеть. Ему Господь дал шанс жить, так что же в божие дела вмешиваться? И потом, ненависть надо заслужить. Если дурак запутавшийся, так что ж его ненавидеть?

Крепыш хитро скалится:

– Приведём его на точку, начальство машину вышлет, чтобы в штаб доставить, час-полтора пройдёт, а это всё лучше, чем на перевалке кантоваться. Потом за ним контрики приедут, а это еще пару-тройку часов. Итого, считай, четверть суток при хорошем раскладе пройдёт. А вот не было бы его, так хрен из города выбрались бы. Жить-то хочется...

– Да какой с него толк? Видишь же, что дурака валяет...

– Э-э-э, брат, и не такие рогули соловьем заливались.

Захрипел мой «азарт», зашипел, раскашлялся, и раздался такой родной голос комбата:

– Ну, где вы?

– Да рядышком я, рядышком, вот ребят твоих встретил...

Крепыш в двух словах рассказывает, где найти точку сбора, и они неторопливо уходят.

* * *

Мне осталось совсем немного – километра полтора, от силы два. Грохот выстрелов и разрывов не утихает, сливаются, и земля припадочно бьётся в лихорадке, а небо чистое, и солнце жарит. И этот чёртов грохот, от которого ощущение, будто это ты мишень и тебя выцеливает смерть. С оглушающим треском где-то рядом что-то разрывается, и невольно втягиваю голову в плечи. Нет, всё-таки не рядом, просто очень громко, очень... Словно раскаты грома, словно рвут на части брезент, которого много, бесконечно много, а его всё рвут и рвут... Гроза в полдень, а я «Дети, бегущие от грозы» в одном лице. Сюр какой-то...

Бог не выдаст, свинья не съест

Ускоряю шаг, то задирая голову, то оглядываясь по сторонам. Свернуть бы с тропинки в лес и ломануть через чащу. Лес – это всё-таки защита, он примет в себя и взрывную волну, и осколки, укроет от чужого глаза...

Спотыкаюсь, но шаг не сбавляю. Жара, одышка, судорожно хватаю раскрытым ртом воздух, пот ручьями по лицу, форменная рубашка мокрая, хоть выжимай. Кровь в висках толчками бьётся, заглушая звуки разрывов.

Тропинка обрывается у крайнего дома. Гатищи²⁸. Две трети пути позади – и слава богу. Вымершая околица без признаков жизни. Даже птиц – и тех нет, но жизнь всё-таки есть: где-то вдалеке слышно кудахтанье, доносится редкий собачий лай. Это людей нет: то ли уехали, то ли попрятались, а жизнь осталась... Пульсирует...

Мысль судорожно бьётся птицей в силках: то ли пересечь окраину села по улице и далее по дороге вдоль улицы до самой речки, то ли сразу податься влево, к железной дороге и вдоль неё до самого моста, который не миновать ни в первом случае, ни во втором. Первый вариант опаснее, но легче идти. Второй – ломиться медведем вдоль «железки», из сил выбьешься, но раньше вряд ли до моста доберёшься... А от него еще полкилометра до окраины города, где меня ждут.

Выбираю первый вариант. Лень – двигатель прогресса, а в данном случае экономия сил и вера в русский авось. Ориентирую компас, пересекаю окраину села по улице и ходко до лесочка поспешаю. Пусть опаснее, зато короче и быстрее.

Дальше иду вдоль Волчьей без остановок на отдых. От речушки не тянет прохладой, зато самого тянет к воде. Искупаться бы! В такую жару блаженство – окунуться с головой. Мечты, мечты, где ваша сладость!..

²⁸ Гатищи – село подле Волчанска.

Через мост почти бегом, дальше полкилометра вдоль железки. Справа ни куста, ни деревца, и если появится птичка – пиши пропало. Зато справа, за рельсами, узкая посадка: есть куда спрятаться. И всё-таки опять выбираю полевую дорогу: хоть и опасно, зато легче идти.

От моста до окраины добрался минут за семь. Смотрю на часы: от Новой Таволжанки до Гатищ шёл пять часов. Сколько километров? Три? Пять? Семь? Неважно. В любом случае обратно налегке доберусь на час раньше, а значит, засветло.

Во дворе под навесом на снарядных ящиках сидит боец с унылым лицом, не обращая никакого внимания на грохот. Так и я давно уже ни на что не обращаю внимания. Третий год войны, так что пора привыкнуть. Спрашиваю, где старший и кому сдать медикаменты. Он молча и лениво показывает рукой на сарай. Ох, парень, ну зачем мне в сарай? Я же сюда притопал вовсе не из-за нефопама и всякой медицинской ерунды, а чтобы с тобой поговорить, с бойцами, которые пришли из Волчанска и которые идут обратно в Волчанск. Мне нужна психология, и я буду задавать вопросы.

Боже мой, ну как же долго длится день!.. Есть не хочется, фляжка давно пуста, и я сначала иду в дом, чтобы напиться вдосталь и набрать воды. Увы, воды в кране нет.

Невесть откуда прибежала «буханочка»²⁹ и спряталась в другом сараюшке, на воротах которого было намалёвано окно, а сами ворота выкрашены желто-белой краской под мазаную стену и состарены паяльной лампой. Из машины волокут раненых и заносят в дом. Ну, вот и работа для «муравьёв» прибыла.

Я в Волчанске по имени «муравейник». Так называют его Лёшкины ребята из разведбата. Точнее, разворошенный «муравейник». А вот удовлетворения нет. Совсем. Выдохся, перегорел, короче – спёкся. Устал зверски и даже мысли о возвращении обратно радости не добавляют и едва-едва лениво ворочаются где-то глубоко в мозгу. И то при условии, что он всё-таки есть, мозг-то. Или его остатки.

Никого ни о чем расспрашивать не хочется. Да и что спрашивать? О чём думается под снарядами и минами, разбирающих их на молекулы? Это знакомо по прошлому. Как дышится в трупном смраде? Да внимай сейчас. А как на вкус ржавая вода из батарей отопления? Не пробовал – Господь миловал. Как спится под несмолкающий ни днём, ни ночью грохот и спится ли вообще? Мне спится, да и вообще каждому по-разному. Почему топтались перед городом в первые дни, не наступали, а потом полезли в лоб? На этот вопрос даже комбриг не стал откровенничать. И почему застряли в уличных боях? Потому...

Чтобы говорить с ними на равных, надо хотя бы сутки прожить с ними, а так...

Через два часа я ушел обратно. Первыми поднялись «муравьи»: уложили раненых на носилки, перекрестились буднично и привычно, словно проделывали этот повседневный ритуал с детства, да и пошли неторопливо, вытянувшись в цепочку.

А я всё маялся, не находя себе места. Прилёг в тени под стеной дома, подложив под голову рюкзак и закрыв глаза, но сон не шёл. Непрерывный грохот то отдалялся, то приближался, но не прекращался ни на минуту. Лежал, слушал канонаду и думал, что остаться не могу, а уход мой будет сродни предательству тех, кто остаётся. Что я ничего для них, в общем-то, и не сделал: ну, притащил рюкзак медикаментов да четыре полторашки воды, так это же крохи от потребности. Что хочу остаться здесь и с ними. Что война стала для них просто работой, достаточно обременительной, тяжелой, но мужики на Руси ко всему привычные.

Я многого не знал, хотя знаю, что такое осознанная готовность к смерти. Нет, не обречённость от безысходности, а именно осознанная готовность жертвенности.

За два с лишним года войны многое повидал: обживал траншеи и блиндажи, выживал под обстрелами, глушило разрывами и от контузии заливало глаза сплошной красной пеленой: ярко-багровой, рассекаемой неоновыми сполохами, как от сварки, потому что отслоилась сет-

²⁹ Буханка – микроавтобус повышенной проходимости.

чатка. В лесах под Лиманом гнули к земле «броник», разгрузка с восемью магазинами и шестью гранатами, карабинами, эвакуационным тросом, аптечкой, ножом и всем тем, чем забиваешь карманы. А еще за плечами как минимум РД с БК, бутылкой воды, полблока сигарет и пачкой галет. И истлевала в считанные дни футболка под «броником», пропитанная потом и солью. Всё это было, но не сразу, а перманентно растянуто по времени и местам боев, а потому психика успевала вернуться в норму. Были заходы по тылам и «языки». Были мартовские «прогулки» в «серой зоне» вдоль Оскола.

Я не был штурмовиком. Я не лежал, засыпанный кирпичной крошкой, в развалинах агрегатного завода с распоротым животом или оторванной ногой, когда жизнь истекает из тебя вместе с пульсирующей кровью. Я не знаю, что такое ожидание смерти, как изорванный осколками штурмовик, который изначально уверен, что за ним никто и никогда не придёт, потому что днём на завод не пробраться, а ночью – тем более. Он знал это и всё равно шёл на штурм. Наверное, так шли русские мужики на лёд Чудского озера и на поле Куликово. И это была не покорность – осознанная готовность сложить голову во имя Руси. Парадоксально: готовность смерти как высшая ценность жизни.

Я не знаю, о чём думает боец, штурмующий город, которого уже нет, который остался только на штабных картах, и думает ли вообще.

Я не знаю, что думает отдавший приказ штурмовикам, зная, что никто из них не выйдет из боя. О чём он думает, ставя в храме свечу за души погибших.

Я не знаю, что такое быть избитым пьяным комвзвода или комроты неизвестно за что. Хотя нет, знаю: это они заливали свой страх, потому и били солдат. В морду. В кровь. А те воспринимали как должное и даже глухо не роптали. Они-то знали, что взводный или ротный вряд ли переживут их в следующей атаке, потому и прощали их. Христианское всепрощение русского православного человека.

Подсознательно я хотел быть среди этих мужиков, сражающихся в Волчанске на агрегатном заводе, но отчётливо понимал, что не сегодня. Или это оправдание того, что не останусь здесь? Так, заканчивать пора Достоевщину: уже полдень, и надо засветло добраться до Новой Таволжанки.

На крыльцо вышел фельдшер с закатанными по локоть рукавами халата, который когда-то был белым. Достал сигарету, закурил:

– Скажешь на базе, чтобы прислали пакетов для «двухсотых» и перевязки побольше. Давай двигай, у них как раз перерыв на второй полдник, так что у тебя в запасе не больше часа. Хохлы теперь – европейцы, сволочи, всё собезьянничали, даже вот этот послеобеденный кофе. Но ничего, мозги вправим, вспомнят, кто они.

Солнце забралось в зенит и жарило со всей мощью, плавя асфальт. Надел «разгрузку», забросил за спину автомат, махнул рукой часовому и вышел за ворота. Ну вот и всё. Я уже больше не «муравей» – я им был только в один конец, а теперь сам по себе.

Я оглянулся: там, в районе агрегатного завода и высоток, поднимались дымы и раздавались взрывы, словно кто-то частил в огромный барабан.

Там убивали город.

Там освобождали город.

Скрипач

В квартире тепло, а на улице беснуется непогода. Дрожит в ознобе балконное стекло. За окном бродит расхристанная осень, швыряя горстями листья под ноги редким прохожим и вырывая из рук зонты. Ну просто шпана уличная разгулялась – раззадорилась, и нет на неё управы. Моросит дождь, холодный и мелкий, и всё норовит швырнуть пригоршню за ворот куртки.

Я пришёл к ним по просьбе моего тёзки, чтобы написать о Скрипаче. Вообще-то, его звали Антон, Антон Романович Топорков, а Скрипач – это позывной. Увлечение у него такое было – играть на скрипке.

Его больше нет – схоронили двадцать девятого сентября, спустя пятьдесят четыре дня после гибели. Рядом с другом похоронили, который спас его за два месяца до того рокового дня. Взяли лесополку, на «вилке»³⁰ гранату вправо – гранату влево и пошли траншеем зачищать. Не повезло: граната только глушанула хохла, а он возьми да очухайся – и снова за автомат. Как раз в спину Скрипача разрядил бы, да только друг, падая в прыжке, принял весь свинец на себя. Того «бессмертного» Скрипач снял с разворота, бросился к Лёшке, а у него уже кровь на губах пузырится...

Роман Серафимович, отец Антона, сидит напротив, положив руки на колени и стиснув пальцы в замок. Говорит бесцветно, в глазах нет-нет, да закипают слёзы, и тогда голос его рвётся, на скулах бугрятся желваки, и он замолкает. Мать тоже молчит и не сводит взгляда с фотографии сына. Она всё время молчит, будто потеряла навсегда голос.

– Учился он хорошо, в технолог поступил, когда ещё аттестат школьный не получил, но с третьего курса ушел в армию. У него хромота была – сломал в детстве ногу, она и срослась неправильно. Так он упросил медкомиссию, чтобы признали годным. Другие «отмазываются» липовыми справками да болячками, откупаются, а он наоборот...

Отец вздыхает, долго смотрит в окно. А там по-прежнему беснуется осень, и начинает подвывать подзаборным псом бродяга-ветер. Я не тороплю его, мне бы только записать успеть...

– Он писал стихи – баловство, конечно, да я всё равно ничего не понимаю. – Отец извлекает из ящика стола блокнот, листает, протягивает мне.

Стихи не совсем умелые, но есть образы, есть находки, и думаю о том, сколько несостоявшихся поэтов, художников, музыкантов поглотила безвозвратно эта война. А будущих ломоносовых? И уже состоявшихся химиков, физиков, математиков, технарей? И просто людей совестливых? Добивают пассионариев, добивают...

– Хотел жене его отдать, да не взяла она. Не срослось у них что-то, разбежались. Двух мальчишек родили, жить да жить бы, а всё прахом пошло. Потом в историю вляпался и получил свои семь лет. За наркоту сел. Попросил знакомый забрать закладку, а там уже ждал участковый. Спрашивал потом у него: для чего он так сделал. Знал ведь, что Антон с наркотой не вязался, так зачем же подставил парня? А тот смеется: профилактика, говорит, пусть другим неповадно будет. И вообще считай, что сын твой – мученик, как Христос за народ страдает.

Роман Серафимович опять молчит. Взгляд вновь туманится и замирает на фото, рядом с которым на подушечке орден Мужества и медали. О чём он думает? Что сын погиб за Россию, за Русский мир? Но ведь участковый – тоже Русский мир? Значит, и за него сын тоже погиб? А разве можно так?

³⁰ Вилка (армейский сленг) – раздвоение траншеи.

Не должны родители переживать своих детей. Неправильно это. Ой, как неправильно... Последовательность нарушается, даже в этом должна быть гармония очередности...

– Вот ведь как получается, – вздыхает отец и опять молчит.

Господи, ну не молчи. Говори, говори, говори, мне же ведь написать что-то надо...

– Он второй раз пошел на войну. Сначала в январе двадцать третьего. В «Шторм-Z» попал. Клещеевку штурмовал. Там его и ранили. В начале декабря вернулся – со снятой судимостью и с орденом. Совсем другой вернулся: здорово война перекроила его, всё больше молчал и ничего не рассказывал. Сказал только, что вернётся обратно. Там жизнь с чётко очерченными мерками добра и зла, без вранья, сразу высвечивающая самоё нутро. Там друзья настоящие остались, там земля Русская, кровью напитанная... А ещё сказал, чтобы дети никогда войны не знали, поэтому он её должен закончить. Чтобы раз и навсегда черту подвести, потому как война против естества человеческого. Сказал, что никогда прежде таких слов от Антона не слышал – что значит война с человеком делает. Какой-то очищенный стал, что ли, просветлённый...

Слева – Антон Топорков. Позывной – Скрипач

Антон на Губкина жил, и квартира – что перевалка: постоянно полнилась ребятами после ротации. Временное пристанище: одни с фронта, другие обратно... Ну а мы готовили им, кор-

мили, стирали и молили Господа, чтобы подольше сын задержался... Может, и неправильные молитвы были, да только это родительское... И всё же не отмолили, уехал...

Отец замолкает – в который уж раз! Руки на коленях – вены витой плетённой кисти переплели. Натруженные руки, рабочие, мужские, будто из камня высеченные... Красивые не холённостью, а именно силой мужской, таящейся в этой внешней грубости.

– Третьего августа в ночь ушёл со своей группой на задание. Он уже командиром стал. А через трое суток, шестого, под Невским погиб. Привезли его двадцать девятого сентября – на войну короче путь, а вот обратно долог, через ростовский морг, канцелярии всякие, экспертизы... Зачем? На глазах же у всех погиб, так на тебе... Помытарить ещё надо, будто у нас горя мало и без этого. Передали ладанку, иконку, военный билет, жетон, молитву, от руки написанную...

Когда привезли Антона, я всё спрашивал, как всё это случилось. «Раз орденом наградили, значит, погиб достойно. Гордитесь им», – ответил старший. Перед выходом он ребятам играл на скрипке. Даже из других блиндажей пришли послушать. В свой второй контракт он скрипку взял с собою. Говорил, что скрасит она тоску по дому и родным. А мне почему-то жалко её было: тоже ведь на войну уходила. Не место такому нежному инструменту в окопах: попробуй сбереги её от пыли да сырости, от ран на лакированном теле, когда даже трещинка на деке может изменить звучание. Потом даже неловко стало: тут люди жизни свои кладут, не жалеют, а я скрипку пожалел... А он сберёт её: спрячет в футляр, запеленает одеялом, завернёт в полиэтилен – и под нары. Да сами убедитесь, – он встаёт, подходит к серванту, достаёт скрипку. – Вместе уходили, а вернулась она одна. Тоже осиротела...

Я осторожно принимаю скрипку: ни царапинки, блестит полировка, струну нечаянно задел, а она оборвалась резким стаккато – одна-единственная дробинка, брошенная на клавиши.

– Мне рассказывали, – продолжает отец, – как полный блиндаж набивался, когда сын настроит сурдинку, чтобы струны сильно не резонировали, прижмёт деку подбородком, поведёт смычком – и зазвучала, запела скрипка, и у кого-то заходят желваки, кто-то стиснет до скрежета зубы, кто-то украдкой рукавом коснётся повлажневших глаз. Скажет Антон: «погрузили и будет, а теперь пусть душа в пляс идёт». Поведёт он ещё раз смычком – и вырвется из блиндажа мелодия, весёлая, задорная и полетит над окопами, над полем к звёздам.

Собака у них жила по имени Дружок, привыкла, что уходили бойцы и возвращались, бывало, проводит до выхода из блиндажа да под нары нырнёт, а тут засуетилась, места себя не находя, и всё за Антоном по пятам ходила. Когда он играл на скрипке, то она положила ему голову на колени. Никогда раньше так не делала, а тут словно видит сына нашего в последний раз. А потом легла поперёк прохода, преграждая путь. Не пускала животиная. Засмеялся Антон, погладил пса, пообещал вернуться... Не сдержал слово... Все четверо суток лежал Дружок на бруствере окопа, положив голову на вытянутые лапы, и смотрел в сторону Невского. Вечером зашел в блиндаж, забрался под нары, лег, а из глаз слёзы текут. Настоящие собачьи слёзы. Мужики сразу:

– Дружок, ты чего, Дружок?.

А он даже не скулит, молчит и плачет, и в его глазах такая тоска, что мужикам мутно стало. Поняли они, что Антон больше не вернётся. А Дружок своей собачьей душой боль потери друга почувствовал раньше. Может быть, как раз в те минуты, когда Дружок заплакал, Антона и не стало...

Я ушёл. Тяжело, очень тяжело. Какие тут могут быть слова утешения? Да разве боль родительскую утраты родной кровиночки можно заглушить словами? Жил человек, в чём-то грешный, но по-большому счёту святой, раз за святое дело жизнь отдал.

Остались отец с матерью.

Осталась память.

Остался след на земле.

«Кашники»: шагнувшие из ада

* * *

– У нас к экам отношение не просто настороженное. Для многих они отверженные, их надо бояться, они источают зло, причем абсолютное. Такое же абсолютное, как хохлы. Это в понимании обывателя, с открытым ртом внимающего «ящику». А вот власть не испугалась дать им в руки оружие. Знает, что в случае чего в пыль сотрёт. Знает, что часть утилизирует здесь, часть вернётся на отсидку, а часть перевернёт страницу своей биографии и начнёт с чистого листа.

Комбриг говорил рубленно, словно нарезку кромсал для салата, и от этого слова его звучали веско и убедительно. Он вообще подавляет при первой встрече и манерой держать себя, и скрипучим голосом, и взглядом.

– Заметил, что тема эка на СВО табуирована? – продолжает он. – Да, кто-то пробил брешь, но чернухой: мат, жаргон, грязь. Это всё равно что подбросить дровишек в костёр. – Комбриг исподлобья смотрел на меня хоть и с долей любопытства, но тяжело и мрачно. – Да понты всё это, а ведь война другая. Там всему есть место. Никто тебе не разрешит писать о эках. Их нахождение здесь вне правового поля с момента перевода из колонии на фронт. Заметь, я не сказал «освобождение» – освобождение у них будет только спустя полгода, да и то если доживут. Или смерть до истечения срока контракта – тоже освобождение. Ладно, оставим это. Отправлю тебя во второй отряд. Там все «кашники», так что до вечера впечатлений наберёшься выше крыши.

Комбриг опять воткнул в меня взгляд холодных, со стальным отливом, прищуренных глаз, выбивая пальцами дробь на столешнице. Я понимал его: он не хотел нарушать однажды данное обещание допустить меня в бригаду и теперь мысленно проклинал себя. Думал, что отмахнулся, как от надоедливой мухи, но муха оказалась клещом.

– В общении с ними никаких любезностей и жалости, не вздумай подстраиваться и, не приведи господи, угодничать – сразу нагнут и отношение будет, как к «шестёрке». Но и высокомерия, пренебрежения, превосходства быть не должно. Они психологи, профессора, только корочки им не ВАКи³¹ всякие выдают, а сама жизнь. Чем ты проще, уверенней, независимей – тем лучше. Не забывай, что мы страна эков и вертухаев. Во всяком случае, в недавнем прошлом. Среди этих мужиков с ломанными-переломанными судьбами гораздо больше порядочных, чем в чиновничьих кабинетах и депутатских креслах. Кстати, последних здесь почти нет. – Комбриг опять сверлил взглядом в надежде, что я передумаю и откажусь от своей затеи.

Я прожил жизнь, и у меня не было иллюзий насчёт бывших эка. Дед всегда строго исповедовал эковское «не верь, не бойся, не проси», ещё в сталинские посадки отмотав почти два десятка лет на Колыме, и наставлял: – Ты, внучек, по жизни если и гнишь, то не ломайся. Слабых завсегда топчут, они из «шестёрок» не вылазят. Так по жизни и ползут на пузе, как битая шавка, а ежели голос подадут, то их под шконку всё равно загонят. Настоящий эк – это характер. Блатная масть подлая, им веры нет, а вот с мужиками всегда можно найти язык.

Потом, уже во взрослой жизни, сводила меня судьба с этой отверженной навсегда или на время кастой со своими субкультурой, законами, величаемыми словом «понятия», образом жизни. Всяких приходилось встречать, но подлости в них было не более, чем на гражданке. Да и свалились они в зону не с луны, а из нашей, тоже довольно подлой, жизни. И всё же они

³¹ ВАК – высшая аттестационная комиссия.

другие и сразу узнаваемы: лицом, взглядом, манерой держать себя, говорить, идти, сидеть. Во всяком случае, я всегда вычленил из толпы бывшего сидельца.

«Кашники» – это тоже характер, это особый вид эков, не масть, а именно вид. Воюющие эки с разной, хотя и близкой, мотивацией. Были среди них и такие, которым и сидеть-то оставалось год, полгода, а то и три месяца, но они всё равно пошли на СВО, которая была для них очищением от прошлого. Даже чистилищем.

«Кашниками» их зовут из-за литеры «К» на жетоне с личным номером. У них нет имени. У них и на зоне по-большому счёту тоже не было имени – были номер, статья, срок освобождения, да и то предполагаемый с поправкой на плюс-минус, а имя – это уже что-то второстепенное.

* * *

Командир роты встретил нейтрально, без радости и огорчения, сидя за положенными друг на друга снарядами ящиками, изображающими стол. Ну, пришёл и пришёл, так что ж теперь – от радости вприсядку пускаться?

– Лось, – протянул он лапу, не снимая тактической перчатки.

– А зовут-то как? В смысле, по имени?

– А тебе к чему?

– Да так, для контакта, – ляпнул я.

– А на хрен мне твой контакт? Притаранил бы «морковок»³² или «сапог»³³, в ножки бы сам поклонился, а ты «контакт». Был бы бабой – тогда дело другое, тогда можно и контакт, – передразнил он и вдруг прищурился: – А ты, случаем, не того? Ну, того-этого, не из тех, ну, как их...

На лбу его от напряжения вздулась вена.

– Да ты что? – настала моя очередь «мочить» не приветливого Лося. – Ты как мог подумать?

– Да ты извини. У вас же, артистов, там все друг с другом перетрахались и во все цвета перекрасились. И вообще это дело в почёте. Богема, одним словом.

– Я не артист, я – писатель!

– Да хрен редьки не слаще. Одним словом – паразит. Ладно, – примирительно улыбнулся он. – Ты чего к нам пожаловал?

В свою очередь я вздохнул и поведал ему о тяжкой писательской доле – для достоверности будущего литературного шедевра непосредственно собирать судьбы людские и случаи из их жизни. Тот взглянул, прищурился, как на умалишенного, и буркнул:

– Пиши фантастику, всё равно никто вашу хрень не читает.

Стало как-то тускло от сказанного, померкло утро, словно серую краску плеснули на солнечное пятно, вздохнул: обижайся – не обижайся, а работать всё равно придётся. Ну и типчик этот ротный, с таким каши не сварить.

– Ну и сколько тебе отвалит за твой «шедевр»?

– Нисколько. Я же ведь сам, по своей воле, за бесплатно. Точнее, по благу: мы с комбригом кореша, – приврал я последнее. – Сначала книгу написать надо, потом издателя найти, напечатать, продать, вот тогда процентик, может быть, и отстегнут.

– И сколько?

– Ну, тысяч пятьдесят, если тираж хороший.

– И сколько ты таких книжек за месяц нарисуешь?

³² Морковка (армейский сленг) – граната для ручного противотанкового гранатомёта (РПГ).

³³ Сапог (армейский сленг) – СПГ-9, станковый противотанковый гранатомёт.

– За месяц? Ну, ты и завернул. Одну в год – и то, если повезёт.

Лось смотрел на меня, как врач-психиатр на сумасшедшего или убогого, отставив на край стола кружку с чёрно-коричневой тягучей жидкостью. За бесплатно сунуть голову в преисподнюю, где каждую секунду тебя могут нашинковать свинцом и отправить каяться к архангелу Гавриилу – это было выше его понимания.

– Ну и дурак ты, братец. Будешь? – Он кивнул на кружку с чифирем.

– Не откажусь.

Чифирить по молодости приходилось, только баловство это было, а нынче сердечко-то поизносилось, поберечься бы, да только его предложение – это проявление доверия. Это жест: тебя приглашают в свою «стаю».

– Ну что ж, давай вживайся в ткань, спрашивай, а мы посмотрим, что ты за фрукт и с чем едят. – Лось цедил сквозь жёлтые зубы густой чёрно-коричневый обжигающий настой.

Сначала мы молча сжигали нёбо чифирем – несусветная горечь вприкуску с терпкой сигаретой, и сердце билось пойманной в силки птицей, потом сначала перебрасывались односложно и куцыми фразами, а затем ниточку ухватили – и потёк ручейком неспешный разговор. Говорили о погоде, об иссушающей жаре, от которой плавился мозг, о том, что здесь живёшь на инстинктах и появляется звериное чутьё опасности. Ещё мины не вышли из стволов укроповских миномётов, а тебя уже вдавливают в землю за секунду до вздымающейся от взрывов земли. Ротный говорил, что укры попритихли, как только узнали о появлении «кашников», и что хорошо бы взять холм слева – хоть и с пупочку величиной, зато обзор даёт, да и траншея сразу же в разряд второй линии переходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.